

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 67 (3568)

Четверг, 7 июня 1956 г.

Цена 40 коп.

БОЛЬШАЯ ПОЭЗИЯ

Президент Иосип Броз Тито и сопровождающие его лица в инструментальном цехе Московского автозавода.

— Я рада приветствовать вас, товарищ Тито. Так сказала простая советская женщина...

Ленинские горы. Сюда приехали Президент Тито с супругой, Н. С. Хрущев и сопровождающие их лица.

День сменяется днем, солнце все сильнее согревает Москву, умытую уже и первыми вечерними грозами.

Кремль. Одна из святынь нашего народа, трудившихся всего мира — комнаты в Кремле, где жил, творил великий Ленин.

— Я давно хотел здесь побывать. Я был в Горках и других ленинских местах.

А на солнечных просторах площадей Кремля югославских товарищей снова и снова горячо встречали советские люди.

Югославские гости смотрели в Большом театре балет «Лауренсия», побывали в Государственной Третьяковской галерее.

Югославские гости смотрели в Большом театре балет «Лауренсия», побывали в Государственной Третьяковской галерее.

5 июня в Кремле, в здании Совета Министров СССР, начались советско-югославские переговоры.

Во время переговоров происходил широкий обмен мнениями как по вопросам дальнейшего развития советско-югославских отношений...

Вчера посланцы югославского народа посетили Атомную электростанцию Главного управления по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР.

Внимание мировой общественности приковано в эти июньские дни 1956 года к Москве.

«Восстановление и развитие дружественных отношений между Советским Союзом и Югославией» — пишет китайская газета «Дагунбао».

«Восстановление и развитие дружественных отношений между Советским Союзом и Югославией» — пишет китайская газета «Дагунбао».

Московский корреспондент газеты «Франс-суар» Мишель Гордэ напоминает, что в течение последнего года Советский Союз оказал Югославии «значительную техническую помощь».

Не всем, однако, по душе дальнейшее укрепление дружбы и взаимопонимания между Советским Союзом и Югославией.

Злобные заголовки в «Дейли миррор», истерика «Нью-Йорк уорлд телеграм энд Сан», требующей, чтобы США прекратили помощь Югославии.

Понятно это неравное раздражение представителей реакционных кругов США, которым не нравятся благодарные цели визита президента Тито в Советский Союз.

«Чего желают? — Желают, пусть будет так до последнего вздоха, чтоб совпадал мой пульс с твоим дыханием».

Вот почему и Москва в стихах Паруйры Севака «Две встречи» является не только столицей Советской страны.

«Есть на свете Москва — Это адрес всемирных свиданий Для любви и для песен, Для дружбы и мира».

И прав Рачия Ованесян, когда пишет о том, что наш потопок будет смотреть с удивлением на человека нашего времени.

Каждый, кто посетил выставку картин замечательного мастера, вдохновенного изобразителя красок Армении Мартироса Сарьяна, не мог не почувствовать всю свежесть красок, все многообразие пейзажей, всю прелесть этой неповторимой горной страны.

Премами большого искусства раскрывал перед современниками один из лучших художников нашего времени жизнь Армянской советской республики.

Подобное же ощущение испытывает каждый, кто погрузится в мир армянской советской поэзии.

Шумит Шаки, свергается с вышины, Блестит Зангу в мерцании заката, Весь Норк в кудрявой зелени весны.

И Аштарак цветением веет, Лори укрыт густыми облаками, И зеркало встающих солнц — Севан Лежит меж гор, воздыгающих веками.

Поэт полон огромной любви к родине, она не покидает его и в далеких походах Великой Отечественной войны.

Другой поэт — Амо Сагян воспевает реку своего родного ущелья, ленистый, гремячий Воротан, воспевает «Армению в песнях» Ваага Давтяна.

Сармен описывает, как русская мать склонялась над раненым армянином, и он, как у родной матери, просил у нее воды, говоря: «Мама... даждь».

В эти тени деревьев цветущих садов Армении гений этой поэзии, советский человек, труженик полей, поет песню: «Широка страна моя родная».

Сармен описывает, как русская мать склонялась над раненым армянином, и он, как у родной матери, просил у нее воды, говоря: «Мама... даждь».

Песни о Москве — постоянная тема армянских поэтов. Но это не прохладная тема, это глубокая, проникновенная тема.

Итак естественно, что следующим стихотворением за этим идет стихотворение, названное «Интернационал».

Когда человек был человек, Другому был больше и друг и брат? Лирика, ты не умрешь вовек, Слишком душой человек богат.

Эти строки Ованеса Ширазя, замечательного лирика, не являются риторическим вопросом, так же как желание Паруйры Севака:

«Чего желают? — Желают, пусть будет так до последнего вздоха, чтоб совпадал мой пульс с твоим дыханием».

Вот почему и Москва в стихах Паруйры Севака «Две встречи» является не только столицей Советской страны.

«Есть на свете Москва — Это адрес всемирных свиданий Для любви и для песен, Для дружбы и мира».

И прав Рачия Ованесян, когда пишет о том, что наш потопок будет смотреть с удивлением на человека нашего времени.

Николай ТИХОНОВ

И в напряжении мышц, в изломе брови, В крутом повороте головы и плеч Почувствует он вечное здоровье, Услышит трепет жизни — нашу речь.

Да, речь, поэтическая речь, передающая трепет жизни, — очень ответственная речь. И если Согомон Таронци говорит, обращаясь к классике армянской литературы Лачатуре Абовяну, что «литература нашей слава — памятник тебе», то какой должна быть советская поэзия, чтобы ее слава была памятником Великой Октябрьской революции, преобразовательнице жизни народов!

Армянская поэзия существует не одно тысячелетие. Тем более сегодня слово армянских поэтов звучит для всего мира, как свидетельство нового, советского гуманизма, рассказывая о миготах не бышим героем — советском человеке, строителе социализма, которого Коммунистическая партия ведет в коммунистическое будущее.

Погружаясь в поэмы и стихи армянских поэтов, мы испытываем волнение и радость, потому что входим в мир вдохновенного, пронизанного человеческой теплотой труда и отношения ко всему живому.

Будут ли это строки неграционного народного поэта Аветика Пасаяна, давно ставшие песенными и народными, героический пафос Египте Чаренца, полные классического огня стихотворения Ованеса Ширазя, глубоко эмоциональные произведения Гегамы Сарьяна, монументальные поэмы Наира Заряна, пламенные лирические стихи Сильвы Капутян, Геворга Эмина, Апота Граши... — дело не в перечислении. Мы вступаем в дыхание эпохи, верное служение народу, неподдельный лиризм, искренность поэта, неподдельность, ничем не замаскированную, ту искренность, которая преобразует стих, делает его достоянием искусства, достоянием народа.

Армянская поэзия разнообразна, но не пестра. Она мужественна и вместе с тем умеет писать о самых тонких ощущениях. Тема матери, любимая тема народного творчества, разрешена армянскими поэтами с целомудренной нежностью и суровой простотой. Армянская поэзия — это нежнейшие узоры по камню.

Все знают, какие замечательные мастера по камню армяне. Армянские поэты, трудолюбивые и неутомимые, создают из «живого трепета жизни» свои нестаряющиеся стихи.

Армянская поэзия — древнейшая поэзия среди поэзий народов нашей страны. Она дала много классических образов, ставших всемирно известными. И ныне армянская поэзия — большая поэзия, которая находится на главном пути развития нашей культуры, являясь проводником этой культуры и самым яростным врагом всего отсталого, всего, что враждебно человеку нашего, социалистического общества.

Мы не могли в дни декады разбирать творчество всех армянских поэтов. Мы не касались, скажем, стихов таких поэтов, как Гурген Борян или Вагаршак Норенц, внесших свой поэтический вклад в развитие армянской поэзии, но мы имели возможность подробно, посправаливости поговорить о книгах Ованеса Ширазя, Маро Маргарян, Амо Сагяна, Рачия Ованесяна, Ваага Давтяна, Ваага Каренца, Согомона Таронци, Паруйры Севака, Аршавира Дарбиня, Сармена. Обсуждалась и книга лирических стихов Рипсиме Погосян.

Были жаркие споры, глубокие разборы произведений, было высказано много соображений и критических замечаний, большая часть справедливых, но самое главное — для всех было ясно, что идет большой разговор о большой поэзии, которая нас радует и которую мы хотим видеть еще более совершенной, еще более богатой и содержательной. Поэзия, умная, слезливая мастерами стиха, не должна тащить за собой хвост недостатков, который легко отбросить.

Среди превосходных стихов мы находили стихи несовершенные, не соответствующие теме. Даже у такого замечательного поэта, как Ованес Шираз, в стихотворении, посвященном хлебу, целине, работе комсомолом на целинных полях, мы находили строки, которые абсолютно не соответствовали заданию.

Слово чище серебра молодежь, сойлась, давала, Сверхулет на полях ячмею золота дела.

Это косноязычие, может быть, является делом рук переводчика, но все равно смысл оригинала от этого не выигрывает. Таковы же строки:

Нелегко сполна собрать с целины извечной дань, приручить лезущую лань.

Тут явное несоединение наследия классической поэзии, откуда явилась лань, с первой строкой о целине, принадлежащей сегодняшнему дню.

Или в стихотворении «Голос поэта», где говорится от имени поэта, говорится декларативно, мы читаем:

Я — готовый плакать в три ручья Из-за чьей-нибудь одной слезинки, Я — не разлаживший мурзая, Я — на смерть вставший в поединке Ряди жизни, счастья и труда.

Ныне, словно ласточка, кричу я, Что тревожно вается у гнезда, Коршуна кружащего почуя...

Мы бы хотели слышать несколько иную декларацию такого поэта, как Ованес Шираз, поэта широкого, могучего голоса, поэта, активно вмешивающегося в жизнь чувств, а не являющегося безразличным, расслаб-

ленным наблюдателем жизни. И представить его сентиментальным, как ласточка, болящим коршуна, нам очень трудно, потому что это неестественно.

И надо сказать, что Ованес Шираз может еще много создать замечательных стихотворений, если он глубоко погрузится в сегодняшний день родины. Ему надо только не забывать, оставаясь в традициях классической народной литературы, что она, литература, продолжается и развивается и сегодня и что богатство сегодняшней народной жизни во много раз превосходит богатство народной жизни прошлого, так бережно сохраненное армянскими поэтами.

Армянской поэзии следует оставить и такие беспредельные, отвращенные восторги, наследие прошлого периода, какие, скажем, нашли отражение в стихотворении Сармена «Перед Домом Правительства», который именуется «бессмертием из каменных плит», вызывающим в сердце поэта «благодарную песню», что, «ликуя, звенит».

Поэту, создавшему такие стихотворения, как «Русская мать», «Семеро счастливых», «Комитас», «Так он перенца и не видел» и другие, нет нужды в «благодарных песнях», что, «ликуя, звенит».

Это, кстати, относится не только к Сармену.

К недостаткам армянской поэзии сегодня, по-моему, относится отсутствие образов армянских переводов людей мирного периода, всех труженников тех городов и сел, пейзажи которых так хорошо воспеты поэтами; повторность мелких лирических подробностей и «воспоминаний детства и юности»; с неизбежными пейзажами, огородами, телатами, огурдами и родственниками, мешающими молодым людям; размытая лиричность любовных стихотворений.

Сильные в выражении больших, настоящих чувств, армянские лирические поэты пишут и стихи, где довольно мало изображаются эти чувства. Так уж лучше писать тогда, когда невозможно не писать, когда, как говорится, крик рвется из души, а не хладнокровно отмечать переживания бледными словами, ничтожными строками. А это порой случается.

Говоря об армянских поэтах, нельзя не сказать и о хорошем слове о переводчиках, которые немало потрудились, чтобы современные армянские поэты вошли до широкого советского читателя. Это благодарный, вдохновенный труд, потому что без вдохновения нельзя добиться тех превосходных результатов, каких добились наши переводчики, многие из которых являются мастерами перевода.

В. Звигинцев, Т. Спендиаров, В. Тухнов, М. Петровых, Е. Николаевская, И. Снегова, Н. Ахтибегова, К. Арсенева, С. Шервинский, М. Максимов, Г. Гинзбург и другие немало потрудились, чтобы армянские стихи звучали по-русски с наибольшей точностью, чтобы было сохранено главное, чтобы жар поэтического слова не остыл в переводе. Большие поэты тоже включились в эту трудную работу. Среди переводов нужно отметить сильные переводы, сделанные Ильей Сельвинским, много переведшим из Согомона Таронци, и перевод из него же Михаила Светлова «Авак из Лори».

В переводческой работе, кропотливой и требующей очень большого внимания, бывающей погрешности, иногда зависящие от автора, иногда от переводчика. Я думаю, что среди запрещенных вещей в этой области, несомненно, должно быть и употребление неподходящих интонационных размеров, взятых из готовых образцов. Так, попробуйте читать стихотворение Маро Маргарян в переводе М. Светловой, и вы увидите, что эти строки можно было написать и в двенадцатом веке. Они так полны выражениями поэтики прошлого века, что некоторые из них, как, например, «души... высокие стремление», просто взяты из послания Пушкина декабристам. Мне кажется, что армянский поэт не мог так написать, и переводчик так, в таком ключе, тоже не следует, тем более, что это стихотворение посвящено Ленину.

Но если даже перечислить все недочеты, допущенные в таком важном деле, как перевод поэтики, все равно большие достоинства будут несомненны. Благодаря нашим переводчикам, культурным и трудолюбивым, страстным работникам и мастерам, мы смогли во время декады армянского искусства и литературы говорить о десяти книгах интереснейших армянских поэтов.

В армянской поэзии за годы советской власти произошли большие перемены. Оставаясь в основном в традициях классической армянской поэзии и достигая больших успехов в области лирики, армянская поэзия пробовала и пробует новые формы стиха. Иные поэты смело входят в поэтическое хозяйство Маяковского и отсюда берут многое, способствующее новому оживлению стиха. Тематически армянские поэты переходят тот же путь, что и поэты других братских республик. Они расширили свой кругозор, свое поэтическое видение, они поняли, что они являются представителями широкого советского мира, пропагандистами нового социалистического общества, новой морали, нового отношения к человеку и миру.

Советские поэты всех республик — братья во вдохновению и по судьбе. Поэтому с такой дружеской горячностью и искренностью московские поэты приняли участие в обсуждении армянских поэтических книг, разбирая их строго и дружелюбно и сердечно радуясь большим успехам, достигнутым нашими братьями — армянскими поэтами.

Они, поэты Армении, идут по широкой песенной дорожке через цветущий мир, созданный трудом свободного советского народа, как посланцы в будущее, и в этом их заслуга, счастье и ответственность!

ПОСЕТИТЕЛИ СЪЕЗЖАЮТСЯ СО ВСЕХ КОНЦОВ СТРАНЫ

НА ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ВЫСТАВКАХ

С УТРА стелается над группой и пятнадцатый праздничный день родины. В этот день в павильоны, оранжереи, на фермы и опытные участки, где экскурсоводы показывают им все, что есть наиболее ценного и интересного на выставке.

На их глазах ожидают действующие макеты атомной энергетической установки и реактора. Внимательно рассматривают они приборы, созданные для уменьшения реактивных изотопов в промышленности, сельском хозяйстве, рыбной и пищевой промышленности.

Развившись по специальности на группы и пятнадцатый праздничный день родины. В этот день в павильоны, оранжереи, на фермы и опытные участки, где экскурсоводы показывают им все, что есть наиболее ценного и интересного на выставке.

В павильоне Российской Федерации особенно оживленно у стенда геофизической лаборатории Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, рассказывающего, как используются радиоактивные изотопы на службе сельского хозяйства.

После окончания выставки в павильоне открыты для всех желающих. Их прежде всего привлекают павильоны Промышленной выставки.

Очень много посетителей в павильоне-выставке по использованию атомной энергии в мирных целях. Здесь можно встретить людей самых различных профессий и

возрастов. На их глазах ожидают действующие макеты атомной энергетической установки и реактора. Внимательно рассматривают они приборы, созданные для уменьшения реактивных изотопов в промышленности, сельском хозяйстве, рыбной и пищевой промышленности.

Особое внимание привлекают принудительные терапевтические гамма-аппараты, при помощи которых уже спасено множество обреченных на гибель людей. В книге отзывов и предложений этого павильона появилось уже много записей: среди них — и впечатлительная зарубежная делегация.

Это — один из двадцати павильонов Всесоюзной промышленной выставки, в которых представлено около тысячи машин и станков, около трех тысяч приборов, почти семьсот моделей и макетов больших машин и оборудования технологических линий.

В вечерние часы, когда павильоны уже закрыты, загорая огнями территория выставочного городка превращается в место отдыха москвичей. Работают театры и концертные эстрады, тысячи гуляющих заполняют аллеи и площади этого благоустроенного цветущего парка.

На снимке: в павильоне машиностроения. Фото С. Преображенского и В. Кудюва

Приветствия Пушкинскому дому

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Состоялось общее собрание отделения литературы и языка Академии наук СССР, посвященное пятидесятилетию Института русской литературы (Пушкинский дом).

Открывая собрание, академик В. Виноградов в своем выступительном слове подчеркнул значение Пушкинского дома как одного из крупнейших центров советского литературоведения.

С докладом «Пушкинский дом и изучение русской литературы» выступил член-корреспондент Академии наук СССР Д. Лихачев. Он сообщил, что за полвека ученым институтом выпущено около 400 книг. Сейчас заканчивается работа над десятитомной «Историей русской литературы», полными собраниями сочинений Белинского и Лермонтова; подготавливается издание «Истории русской критики» и многого другого свода русского фольклора, выпускаются сборники «Вопросы советской литературы».

Доклад доктора филологических наук Б. Томашевского был посвящен основным задачам пушкиноведения.

С приветствиями к коллективу института обратились представители многочисленных научных и литературных организаций, в том числе правления Союза писателей СССР. От имени Римского университета выступил выдающийся итальянский литературовед и знаток творчества Пушкина Этторе Ло Гатто. Поздравительные телеграммы получены от многих зарубежных литературоведов.

В гостях у друзей

— Какая это была приятная встреча! — говорили армяне, возвращаясь в подмосковный колхоз «Новая жизнь».

«Как только зашла о павильон дверца автобуса, машина наполнилась шумным гомором. Поэты Рачия Ованесян, Геворг Эмин, Паруйр Севак, Аршавил Сарьян обменялись впечатлениями о только что закончившемся двухдневном обсуждении армянской поэзии. Секретарь правления СП Армении Акол Салахан о чем-то спорил с прозаиком Серо Ханзадяном и Левон Гурунцем, Аршавил Дарбиня, Гайк Погосян и другие делились впечатлениями о последних встречах с читателями.

Когда машина вышла за город и в открытые окна потянуло острым ароматом полей и рощ, говор стал утихать, кто-то затянул народную армянскую песню. Час пути пролетел незаметно... Автобус остановился у Сухаревского сельсовета. На пороге гостей встречала председатель сельсовета Софья Николаевна Макева, председатель колхоза «Новая жизнь» Александр Николаевич Герасимов, секретарь партийной организации колхоза Иван Алексеевич Поляков, директор местной школы Владимир Иванович Лынский. Писателей окружили колхозники и сразу завязалась живая беседа.

Но клубный зал был уже полон народу, и пора было начинать вечер. Его открыл П. Скворцев. Вечер был построен по обычной программе — вступительное слово, приветствия, чтение стихов. Но с первого же момента между гостями и аудиторией установилась такая дружеская и непосредственная связь, что вся атмосфера была наполнена ощущением не-

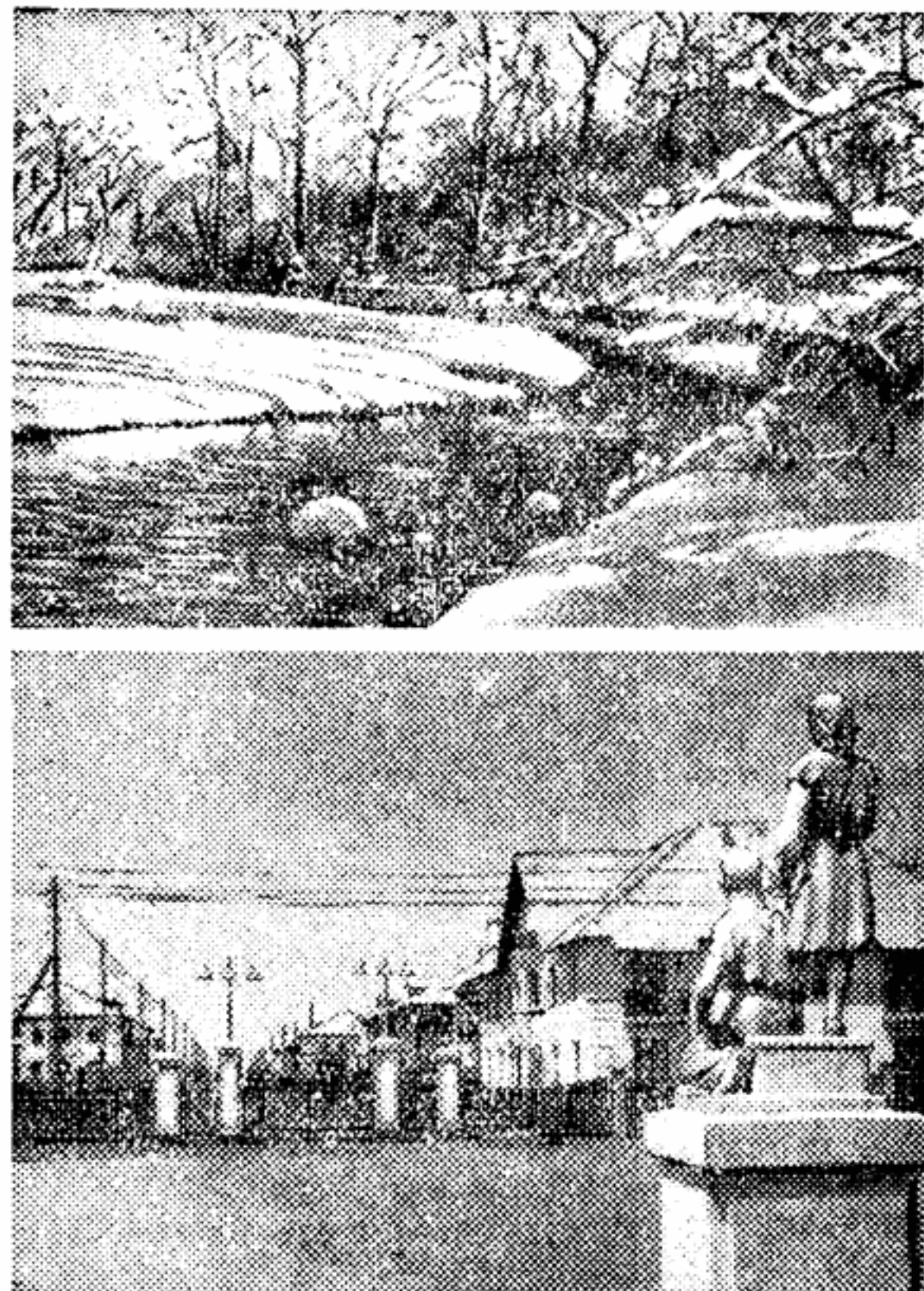
обыкновенной простоты и теплоты, живым чувством дружбы народов, о которой говорили и протягивали в зале лозунги.

В кратком слове А. Салахан сказал: «Колхозники Армении научились становили и с вами. Поэзия: пожайте в подмосковные колхозы, посмотрите, как там живут наши русские друзья, и передайте им привет. Позвольте же мне выложить и слова от всей души, по-братски приветствовать труженников полей колхоза «Новая жизнь», который по-армянски назывался бы «Нор-Яник!»

Его живой рассказ об армянской поэзии, которая в древние времена, с эпохи «Давид Сасунский», была поэзией дружбы, любви и труда, краткие характеристики, которые он дал каждому из участников вечера, помогли собравшимся воспринять выступления писателей как встречу со старыми знакомыми... Колхозники благодарили армянских писателей за приезд и просили писать побольше стихов, рассказов и повестей о тружениках полей.

Тепло были встречены и принявшие затем армяне артисты — ансамбль народных инструментов армянского радио. Встреча была продолжена за колхозным ужином...

В течение последних дней армяне писатели выступили у московских станкостроителей — на заводе «Красный пролетарий» — перед библиотекарями — в Октябрьском зале Дома союзов, в Колонном зале Дома союзов — перед профсоюзными активами Москвы. В библиотеке имени Пушкина состоялась живая и интересная беседа о рассказах Нор-Яника Адамяна.

Эти два снимка сделаны в Приморье. Когда наш выносивший «газета» отъезжал...

Еще дальше. Через два или три часа — еще один городок. Здесь живут лесорубы...

Онила тайга. Слышен рокот моторов, вьется дымок над трубами рубленых домов...

И. ОСИПОВ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«СПИСАЛИ ПО АКТУ...»

В корреспонденции, опубликованной под таким заголовком в № 11 «Литературной газеты»...

«КОГДА ПИСАЛ КРЫЛОВ?»

Под таким названием в «Литературной газете» 22 мая 1956 года была опубликована заметка...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Еще раз о метриках

Вновь и вновь возвращаемся мы за советом и помощью к призываемым в раз работам Владимира Ильича Ленина...

Позади у нас тяжелейшая из войн, отныня мужей и миллионов женщин, нелегкие годы восстановления, тяжесть которых легла и на женские плечи...

В ПОДШЕФНОМ КОЛХОЗЕ

Георгий ЛЕЗГИНЦЕВ

В ожидании гостя мы с Петром Михайловичем, секретарем партийного бюро нашего института...

Вот председатель нашего подшефного колхоза В. М. Обызов. Он руководит колхозом с 1950 года...

— Люди нужны? — настороженно спросил я. — Ох, как это не кстати — сорев выпуск очень важного проекта...

Василий Михайлович ответил вопросом: — Про собрание забыли? И я вспомнил, как ранней весной ездили в подшефный колхоз...

До колхоза было далеко, не менее двух часов езды, и каждый из нас по-своему притомился коротать время...

Молча слушавший Алексей о чем-то тихо вздохнул. Вскоре разговор перешел на цель нашей поездки — собрание колхоза...

— Чтальи постановление о картофеле и овощах? Нарочно прихватил с собой, колхозники оно придется по вкусу.

— Хорошие вести пришли, — откатывалась, начал он. — Овощи теперь ценней стала, и уход за ней будет добрей...

— Обратный путь мы тронулись поздно, когда уже темное небо было распырено холодными звездами...

Вот какой случай из юридической практики приводит работники управления Министерства юстиции по Одесской области...

— Это единственный выход. М. сел от ответ формальной бюрократической отговоркой. Уходя, он сказал: «Я буду жаловаться»...

ручали. Выручили, так аван за будущий год отдай, потом семенами соседям помоги — глядь, амбар-то пуст, получаю за свою работу вровень с самыми отстающими колхозами...

— Область план заготовок не выполняла, к нам и поналетало разных полномоченных — требуют вырвать. Говорю: готовенькое забрать легко, вы лучше лодырь заставьте работать...

В клубе было полно народу, а празднично одетые люди все подходили, большинство их составляла молодежь. Собрание открылось. Председатель колхоза доложил об итогах 1955 года...

В этом месте доклада Василий Михайлович Обызов остановился, взял привезенную нами газету и зачитал постановление. Его слушали внимательно, раздвигались одобрительные возгласы: «Слыхал, будут платить за поздний картофель по 330 рублей за тону»...

Доклад обсуждали активно и по-хозяйски деловито, главное — не было равнодушных. Особенно критиковали бригаду оводоводов, и в этой связи досталось и шефам. Запомнилось выступление остроносы, в цветастом платке колхозницы.

— За плохой сбор картофеля и капуста виноваты шефы, — с места закричала она, не посприхив слова. — Сажать картошку не умеют, скупивать возмущаются — смотреть тошно: хоть пень колотить, лишь бы день проводить!

Слова попросил седей старик с вальными щеками. — Хорошие вести пришли, — откатывалась, начал он. — Овощи теперь ценней стала, и уход за ней будет добрей...

— Обратный путь мы тронулись поздно, когда уже темное небо было распырено холодными звездами, особенно яркими в морозную ночь...

Вот какой случай из юридической практики приводит работники управления Министерства юстиции по Одесской области...

— Это единственный выход. М. сел от ответ формальной бюрократической отговоркой. Уходя, он сказал: «Я буду жаловаться»...

— Это единственный выход. М. сел от ответ формальной бюрократической отговоркой. Уходя, он сказал: «Я буду жаловаться»...

о новых формах шефской работы, вызванных новой обстановкой в деревне, — вечер для нас оказался мудренее утра.

— Приседатель сказывал — три грузовые машины колхоз получил, просил шефов понаискать. Я посмотрел на озабоченного водителя и невольно спросил: — Собираешься вернуться? — Подумать надо, — неопределенно ответил он...

Сидя за столом, Василий Михайлович подпирал руками голову от непосыпавший голову, его красные глаза спалились, и только большим усилием воли он заставлял себя проглотить разговора.

— Агитаторов нужно, помочь нам решения XX съезда партии разъяснить народу, нашу партийную правду до каждого колхозника донести. А работать в колхозе теперь есть кому — новых 50 человек в артель вступили...

С планированием тоже неувяжики: план посева увеличен, а удобрениями, и минеральными и органическими, колхоз обеспечен только на четверть.

Кое-кого, кто не выработал минимум в 150 трудодней, беспокоит возможность урезки их приусадебных участков и оттока в выпаска; жалуются в райисполком не пообежишь, отсюда завернут обратно в колхоз, словом, этим людям приходится крепко думать, как дальше жить.

В полкомхозном колхозе нужно развивать животноводство и сибирский фрукт — картошку, — посоветовали председателю.

— Развиваем. В прошлом году колхоз засадил ею сто гектаров, а в этом — сто пятнадцать гектаров. В картофелеводстве зенья мы отобрали самых лучших людей, добрыми семенами картофеля запаслись...

Председатель райисполкома, Герой Социалистического Труда Аркадий Федорович Воронцов, зоотехник по специальности, подробно разбирая наш спор по проекту коровника, советует, как упростить работы, как достать обронный железобетон, механизмы. Разговор переходит к волнующей колхозников теме — к уставу сельхозартели.

Василий Михайлович вынул из кармана записную книжку и, поглядывая на ней ордыком карандаша, сказал: — По нашему титуду капитального строительства, Аркадий Федорович, должны мы строить еще и свинарник, также силосные емкости на 300 тонн, а деньги не выделяете...

— Это единственный выход. М. сел от ответ формальной бюрократической отговоркой. Уходя, он сказал: «Я буду жаловаться»...

— Это единственный выход. М. сел от ответ формальной бюрократической отговоркой. Уходя, он сказал: «Я буду жаловаться»...

— Это единственный выход. М. сел от ответ формальной бюрократической отговоркой. Уходя, он сказал: «Я буду жаловаться»...

— Это единственный выход. М. сел от ответ формальной бюрократической отговоркой. Уходя, он сказал: «Я буду жаловаться»...

НА ЭКРАНАХ — ФИЛЬМЫ ЮГОСЛАВИИ

Около 10 лет назад в мировую кинематографию вошел новый и сильный отряд югославских кинематографов. В необычайно короткий срок молодая кинематография Югославии достигла серьезных и неоспоримых успехов.

Эти успехи представляются мне особенно значительными, потому что они были достигнуты на пути развития искусства реалистического, национально-самобытного, народного.

Конечно, далеко не все картины югославских мастеров равноценны, но лучшие произведения талантливых режиссеров, сценаристов и операторов Югославии имеют большую эмоциональную силу и достоверность.

Не так давно на экранах Советского Союза с успехом прошли фильмы «Буря», «Кровавая дорога», «Концерт». В дни фестиваля мы увидели шесть новых художественных картин. Шесть произведений, различных по принципам их творческого решения, по темам, по жанрам, по уровню мастерства.

Заслуживает высокой оценки выразительная и острая манера режиссуры Жоржа Скригина, поставившего значительный по мысли, интересный детективный фильм «Погоня» и примечательную по глубине психологической разработки образов картину «Их было двое».

Мы с искренним удовольствием смотрели фильмы Югославии, радуясь знакомству с кинематографом дружественной нам страны, уверенные в том, что эти промотры — начало еще более тесной связи, еще более широкого обмена произведениями кинематографии между нашими народами.

Остановимся же более подробно на одном из просмотренных в дни фестиваля фильмов, на картине режиссера Федора Ханкевича «Загубленные жизни», представляющей собой экранизацию романа «Стоян Мутисаша» Светозара Чорича.

Роман рассказывает о судьбе одного из многих, кто подчинился власти денег и чья жизнь в конце концов была загублена. Жалок и страшен конец героя романа, оставшегося совершенно одиноким в мире, где царят ненависть, злоба и стяжательство.

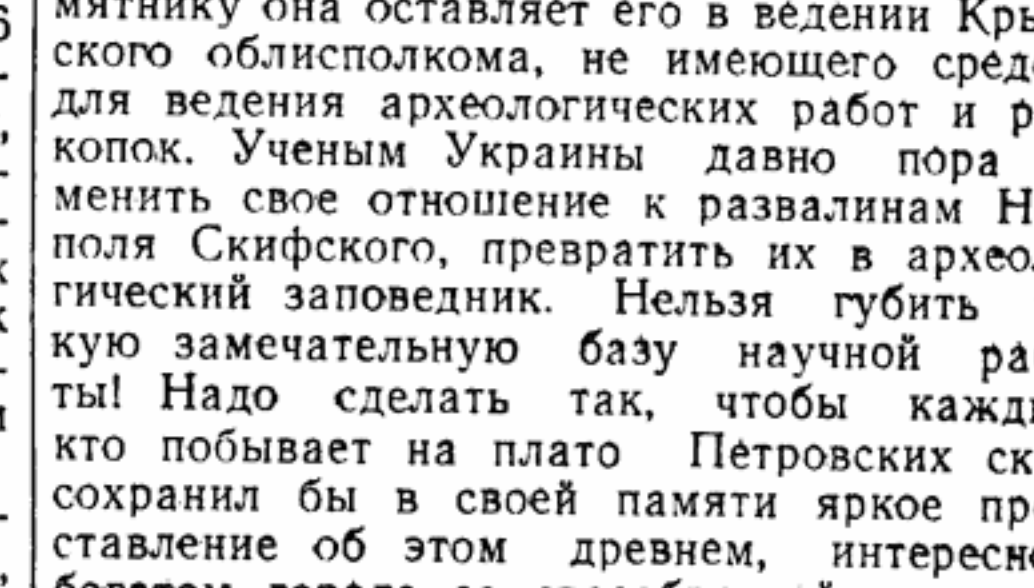
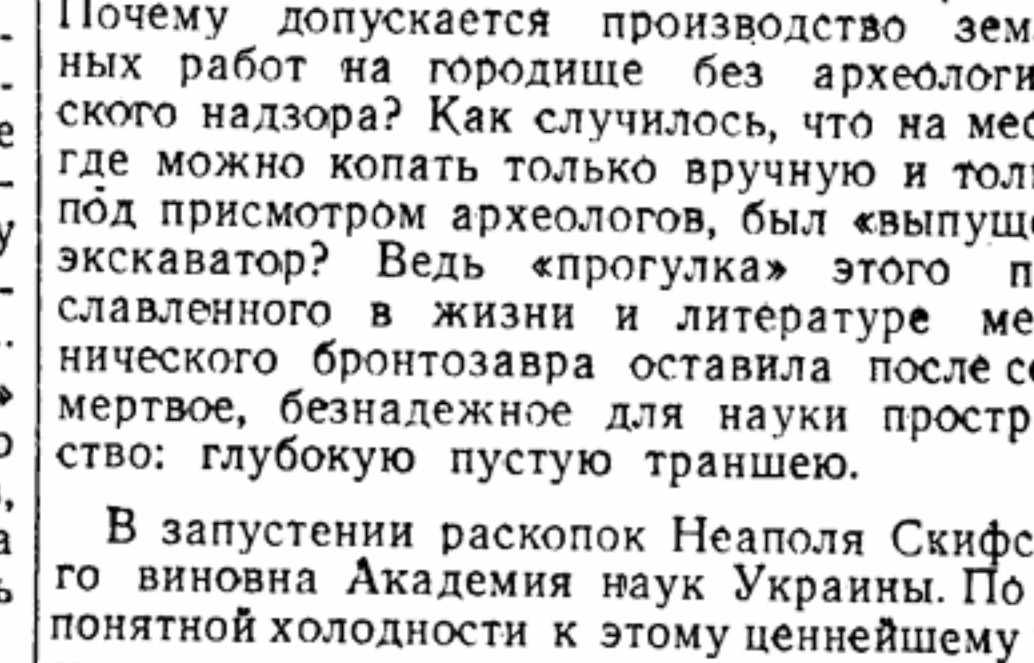
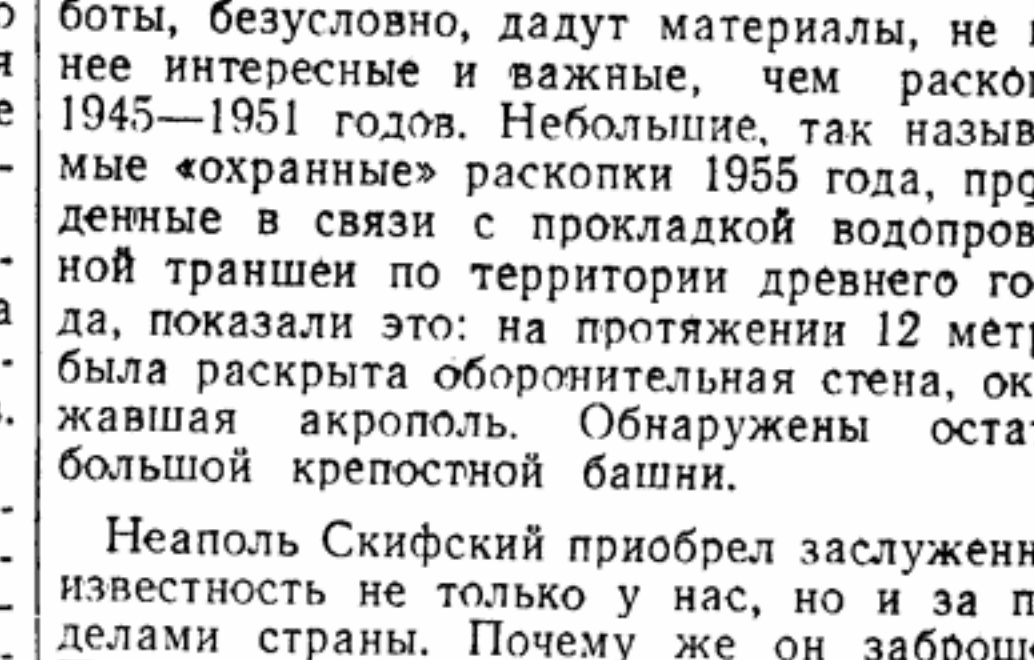
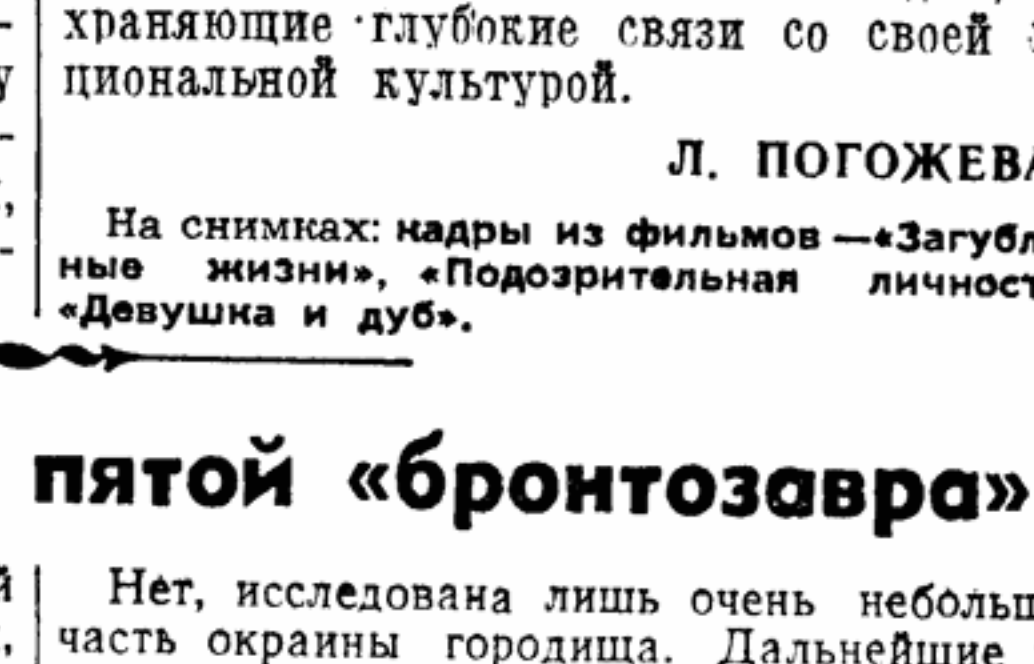
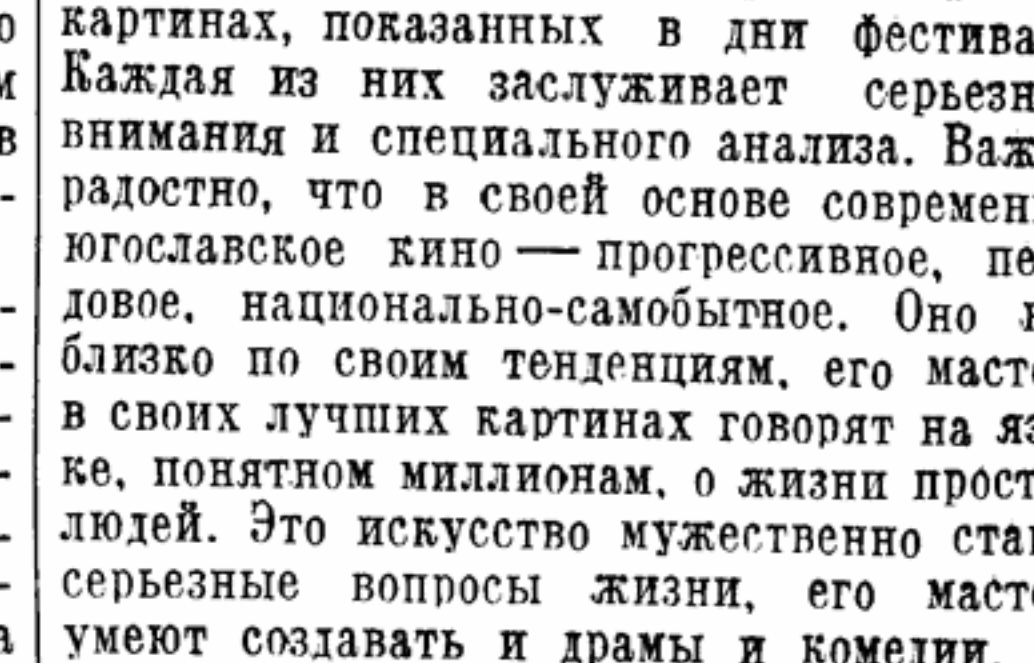
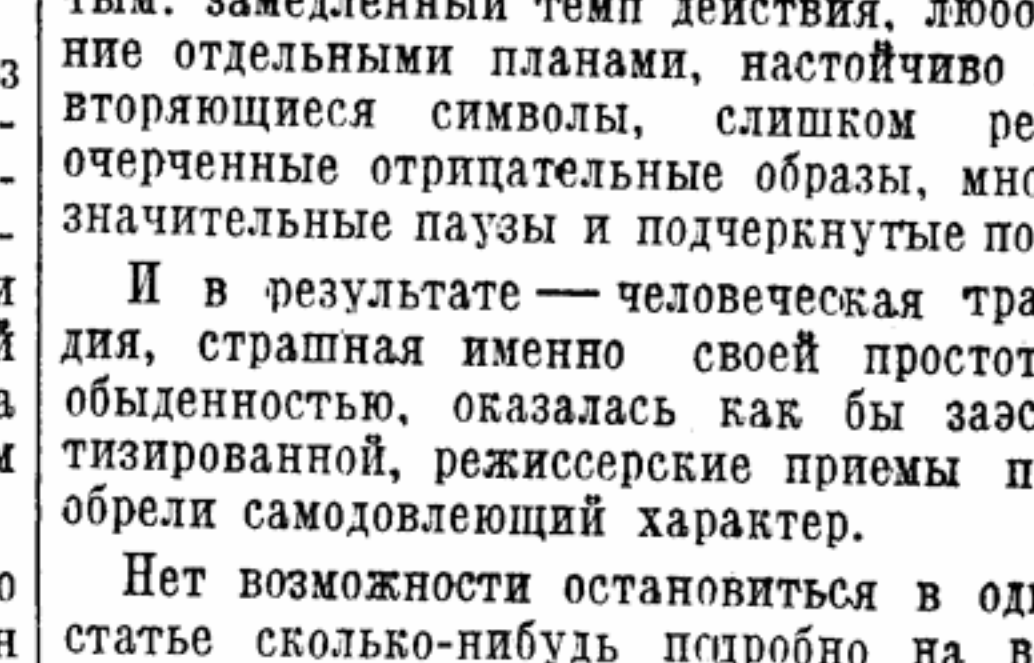
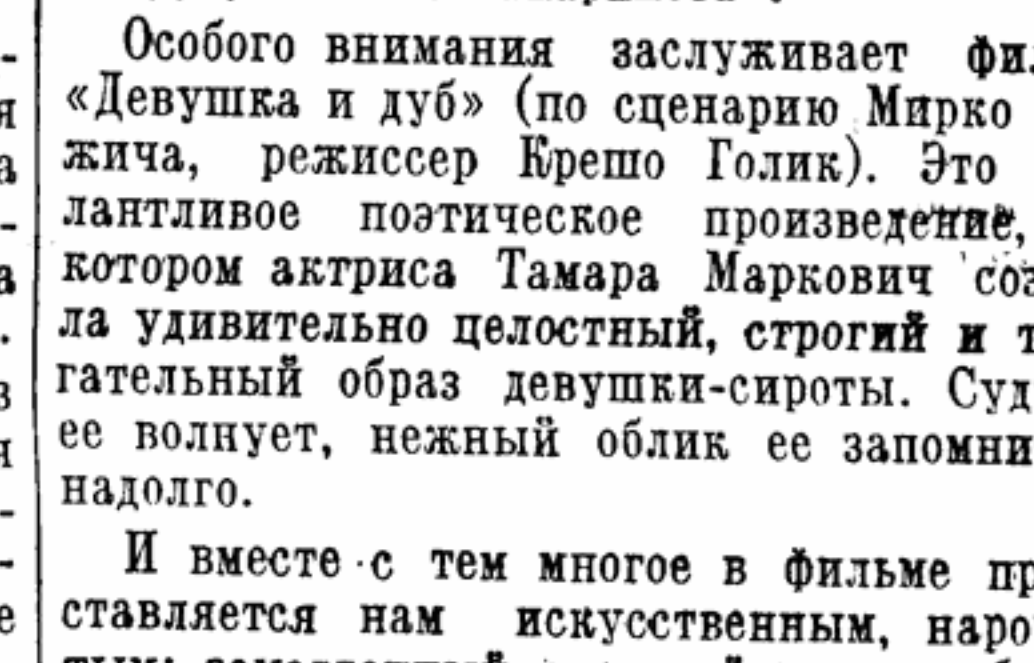
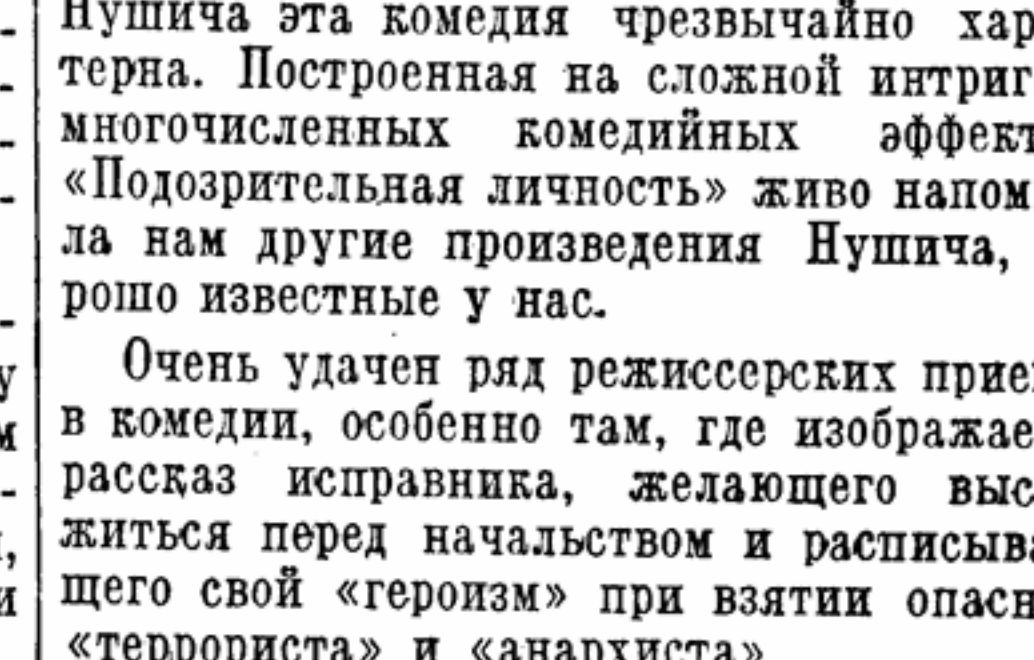
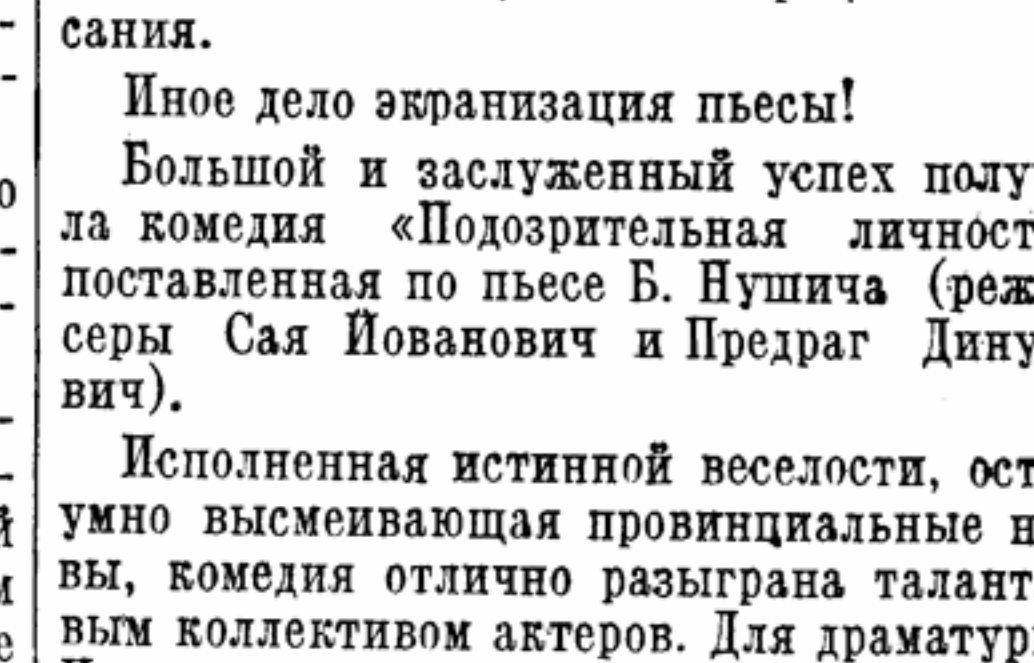
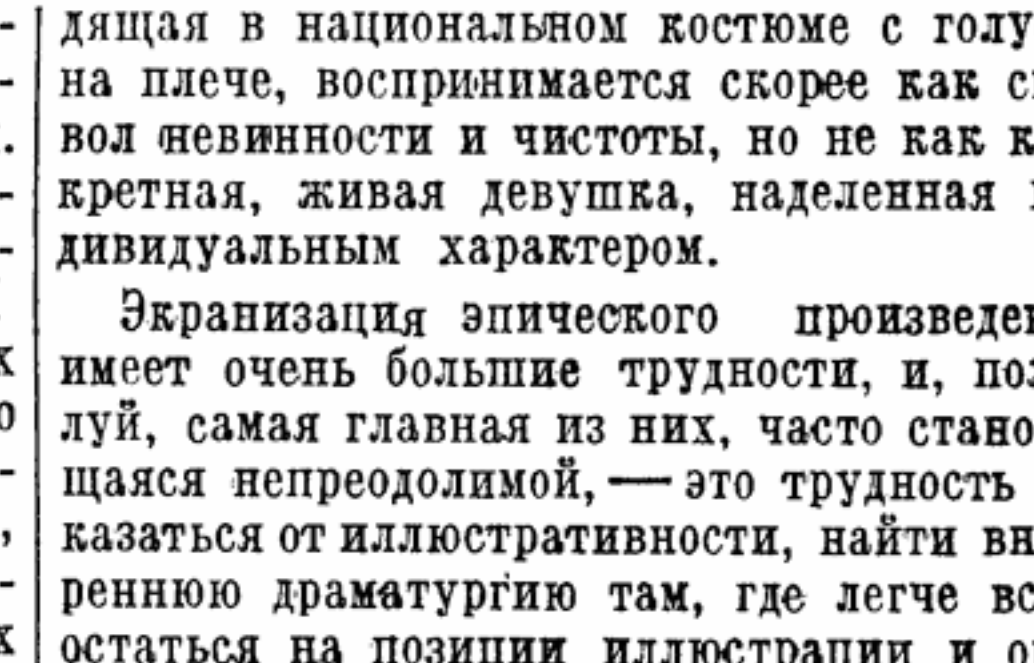
В исполнении Душко Яничевича образ Стояна по-настоящему трагичен. Неопытный и чистый юноша из горной деревушки оказался в плену у нищеты, у торговли и обманщиков, в плену у опытной и зрелой женщины, стремящейся в своей поздней любви найти вознаграждение за тяжкие годы жизни со старым нелюбимым мужем.

Вторая часть фильма показывает, что произошло со Стояном, когда предпочел он чистому и юному чувству страшную власть денег. Стоян становится настоящим хищником, жестоким и властным, но в глазах его можно прочитать глубоко запрятанные муки и боль.

Режиссер умело пользуется выразительными деталями и контрастными сопоставлениями. Запоминаются многократно показанные стопки денег и счефы, как бы символизирющие власть денег, и выразительные снятые кадры ночного неба, тихих улочек маленького городка. Интересно решена сцена, где мы видим Стояна, мрачно и сосредоточенно считающего на счетах, а у него — нелюбимая старая жена, рассказывающая охватившей ее любви, о звездах под сухое шелканье костяшек.

Письмо в редакцию Под пятой «бронтозавра» Когда автобусом, следующие на южный берег Крыма, выезжает из Симферополя, пассажиры видят справа, у шоссе, большую доску с надписью: «Раскопки Неаполя Скифского». Необычное словосочетание «Неаполь» и «скифский» вызывает законное любопытство.

В автобусе почти всегда находится кто-нибудь, кто читал и знает, что здесь была открыта столица государства поздних скифов, пришедшая в упадок в III—IV вв. нашей эры в связи с нашествием гуннов. Такие осведомленные товарищи рассказывают о руинах мощных стен и башен городища, обнаруженных при раскопках в 1945—1951 годах, о знаменитом мавзолее, в котором было захоронено более семидесяти человек и найдено свыше 1300 золотых украшений. Вспомнят о росписях в скелетах, тюркони и кабан — «как живые!» и собачьи «вот-вот залают», и каменную гробницу скифского царя, куда его опустили с бранных доспехами, изукрашенными золотом...

Л. ПОГОЖЕВА

На снимках: кадры из фильмов «Загубленные жизни», «Подозрительная личность», «Девушка и дуб».

«О вкусах не спорят».

Автор этой послонцы, побывав на 4—5 июня на обсуждении стихов армянских поэтов в Союзе писателей, наверное, от нее откажется бы. Потому что в обсуждении проза в спорах и в спорах — при сходстве общих взглядов на задачи современной советской поэзии — проявились именно разные «вкусы», пристрастие к тому или иному поэту, тому или иному стилю. Все было согласны в том, что наша поэзия должна стать ближе к жизни, стать художественно более совершенной. Но как понимать реализм в поэзии, в частности в развитии армянской советской поэзии с ее своеобразными историческими традициями, и что значит «стать художественно совершенной» — об этом можно спорить; об этом и спорили.

Содержательным и острым был выступительный доклад Сильвы Каутукян, которая предоставила слово председателю собрания на обсуждении Н. Тихонов.

С. Каутукян рассказывает о пути, пройденном армянской поэзией за годы Великой Отечественной войны и послевоенных пятилеток, говорит о больших достижениях поэтов старшего и среднего поколений — А. Исаакяна, Г. Саряна, Н. Заряна, А. Вштуна, А. Граши, С. Таронци и других, об успехах и слабостях нового, выросшего после войны отряда поэтов. Интересные процессы происходили в армянской поэзии за последние десятилетия. Усилилось внимание к истории родного народа, что по мнению Каутукян, не следует рассматривать как тенденцию, противоречащую изобретению современности; в огромной степени расширился диапазон лирики, которая становилась все более разнообразной по темам и все более глубокой по мысли.

Немало было за эти годы и ошибок, отмечает докладчик. Огромный вред причинила армянской литературе события 1936—1937 гг., когда под именем «врагов народа» настоящие враги народа удалялись из писательских рядов выдающихся деятелей национальной культуры. Затем докладчица говорит об отрицательных последствиях деятельности культа личности.

Лангрова, пустая риторика, а другой стороны, мелочная, лишняя болтовня чувств и мыслей «интимная» лирика — всех этих болезней не избежала и армянская поэзия.

Мы сознаем как свои успехи, так и то, что у нас немало недостатков, — заканчивает С. Каутукян. — Наши поэты еще не отделились должным образом от решения XX съезда Коммунистической партии. У нас в поэзии еще нет больших произведений о современности, которые нас занимают. Последующие обсуждения поддержали и углубили острый, полемический тон доклада.

Прежде всего много полезного могли вынести из обсуждения те поэты и переводчики, чью работу анализировали выступавшие товарищи. Так, В. Звягичева подробно и убедительно рассмотрела своеобразные поэтические образы поэта Р. Ованнисяна, его сборник «Рождение любви». Я. Гинзбург говорил о сборнике стихов В. Каренца, Л. Пеньковский — о доктринах и слабостях поэта Сармена, а Т. Спендиарова — о разностороннем творчестве поэты старшего поколения Липсиме Погосян. Л. Батя поделилась своими суждениями о творчестве Марко Маркарян.

Замечания «по тексту», соображения о творческой манере того или иного армянского поэта были строгими, иногда — не полностью бесспорными, но всегда дружескими, были проникнуты искренним желанием вместе разобраться в достоинствах и недостатках тех или иных стихов, желанием поспоришь, посоветовать, но не поучать. По этому диссонансом к общему тону обсуждения прозвучало выступление Я. Смелякова, который с излишней легкостью и недостаточной мотивированностью «разобрал» стихи своих армянских товарищей по перу и работу переводчиков. Не вызвало поддержки и выступление поэта М. Светлова, ограничившегося тоже частными замечаниями по поводу стихов Ваагна Давтяна.

Почти каждый выступавший, как правило, рассматривал какую-нибудь определенную книгу стихов. Но так или иначе все затронуло общие вопросы: более общими, существенными как для дальнейшего развития армянской поэзии, так и современной советской поэзии вообще. О связи национальных традиций и индивидуального стиля писателя с общими задачами, выдвигаемыми современностью, говорил Л. Озеров. Но особенно оживленно обсуждался этот вопрос на примере творчества одного из талантливейших, по единодушному мнению, современных армянских поэтов О. Шираза. Первым к его стихам привлек внимание С. Щипачев. Он сказал о том, что у нас немало талантливых поэтов и к каждому из них мы должны относиться бережно и строго. Поэтому то расстроила и обеспокоила его книга Шираза. Самое опасное для Шираза, считает С. Щипачев, и характерное не только для него явление — это утомительное пышное словесие: слишком много у Шираза «орлов», «скал» и других обязательных условностей, за которыми не видно живых человеческих черт. Поэт должен и может приобрести к полному человеческим чувствам, но делает он это недостаточно часто. Надо признать, надо разделяться с красотой и пышностью.

С Щипачевым полемизировал А. Тадеосян, хотя она и согласилась с некоторыми его частными замечаниями. Р. Ованнисян и особенно А. Адамян. По ее мнению, критика С. Щипачева

во многом была мимо цели. «Пышное словесие», замечает оратор, бывает разным. Есть безжизненное, так называемое «восточное» пышное словесие, состоящее из словесных и роз», — это опасность, уже преодоленная. А «орлы» и «скалы» имеют полное право на существование в стихах поэта, для которого они — почти бытовая аксессуар. «Орлы» и «скалы» как национальные специфические образы входят в волю вековых народных ассоциаций. Есть другое «пышное словесие» — ложный пафос, набор риторических фраз. Это — действительная опасность. Что же касается Шираза, то главный недостаток его, по мнению А. Адамян, в том, что он часто берет большие темы, но не выдерживает их. Поэту надо очень много знать, быть глубоко и широко образованным человеком, чтобы быть достойным тем, за которые он берется.

Известный армянский литературовед А. Каринян дал высокую оценку творчеству Шираза и полемизировал с С. Щипачевым и с отдельными положениями стихов Ш. Оганесяна о лирике Шираза, напечатанной в «Литературной газете». А. Каринян подчеркнул недостатки поэзии Шираза — поэт часто констатирует трудности, ему надо стремиться к ясности и простоте.

Горячий спор развернулся также вокруг стихов Паурыра Севака, особенно вокруг его поэмы «И я про это». О ней высказались разные точки зрения М. Петровых и В. Тушинова. Положительную оценку поэмы, данную В. Тушиновой, решительно поддержал Е. Долматовский. Он хвалил Севака за смелость в постановке серьезных жизненных вопросов — это правильный, хотя и трудный путь, путь прямого следования традициям Маяковского. Долматовский признал в доводе обихих словах и без примеров указал, что у нас в поэзии развелось много сереньких цветочков, сюсюкающих поэтов и подсюсюкающих критиков; намелась даже попытка создать «дешевый советский декаданс». А ведь наша поэзия всегда была сильна гражданским пафосом. Это качество есть в лучших стихах Севака, хотя иногда он, к сожалению, отступает в сторону, противоречит самому себе.

О традиционности и современности в искусстве интеллигентно говорил С. Михайлов, назавось бы в «частной» области — в области развития поэзии и прозы. «Мысли вслух» поэта вызвали оживленный обмен мнениями.

Я пишу басню, — заявляет Михайлов, — и чувствую, что надеваю костюм, из которого вырос. У нас пишут басню так, как сто лет назад. Но языку, по моему, по образу и по характеру басня должна стать современной. Поэтому, когда читаешь сборник армянского поэта-баснописца Дарбина, да и вообще современную басню,

Спорить, дружить!

хочется и самому себе и автору посоветовать — раздвинуть границы и перспективы жанра, не будем повторять уже сделанное.

Есть ли «вечные темы» в искусстве и если есть, то как о них писать современному советскому поэту? Об этом много говорил в своем выступлении Р. Ованнисян. Разве мое чувство к сыну так уж сильно отличается от чувств поэтов античного мира? Анакрот и Саади сравнивали любимому с цветком; Пушкин, живший много сотен лет после них, делал то же: сравнивая, он не требовал, что не вносит новизны; это, видимо, в таких темах и не обязательно. Поддержав этот разговор, А. Жаров подчеркнул, что общность в чувствах у советского и античного поэтов есть, но, кроме того, есть и различие, то, что несет на себе печать времени. И надо искать не только общее, но и своеобразие времени, в котором ты живешь и которому служишь.

В большом выступлении подготовил все эти споры А. Сурков. В нашей многонациональной поэзии, сказал он, каждый должен писать так, как это присуще его таланту. Например, Шираз наиболее силен в лирике, и настоящая гражданственность у него там, где он решает важные вопросы при помощи своего искусства. Это обязательное условие: о чем бы ты ни писал, пиши так, чтобы можно было ощутить — это поэзия современности, пиши так, чтобы несли в спутать тебя с Саят-Новым и не только в стихах на такие темы, на которые Саят-Нова не писал и писать не мог, но и в стихотворениях, темы которых могли прозвучать раньше, у классиков, у того же Саят-Новы.

У нас должны быть творческие споры, — продолжает А. Сурков. — Каждый поэт может считать, что его способ работы наиболее подходящий для изображения современного мира, и отстаивать этот свой способ. Нам нужно творческое соревнование! Это необходимо учитывать, когда мы говорим о завтрашнем дне нашей поэзии. Но соревнование — в обстановке взаимного уважения, без эгоцентризма, без личных мнений, что вот, мол, если меня не признают, вынуть, то там ничего не останется. Настоящий талант никогда не позволит себе не заметить талантливых строки у другого.

Спорить и дружить — такой общий вывод можно сделать из обсуждения стихов армянских поэтов. Спорить о том, как писать лучше; отстаивая свое, учиться у других.

Эта мысль прозвучала и у секретаря правления СП Армении А. Салахьяна. Он высказал также справедливое пожелание — устранить творческие встречи армянских и русских товарищей не от декады к декаде, тем более с 15-летним перерывом, а чаще, систематически, как говорится, в рабочем порядке.

Порок юмор Зорьяна принимает ярко выраженный социальный характер, окрашивается то в ироничные, то в неироничные, то в саркастичные тона. С неохотой сатирической и не без улыбки описывает писательскую старую бабушку, оказавшуюся вовлеченной в стихийную демонстрацию протеста: «И одна женщина в нашем квартале не имеет наготове столько проклятий, сколько бабушка. И сейчас она сыплет проклятия одно за другим, а в промежутках то хлопает себя по коленам, то, с моленной покаянной улыбкой, выхватывает из чубука: «Что мы худого сделали царю? Сына его, что ли, зарезали!»

А вот издательский-проникновенное описание тифлиского городского Иваныча, изрядно напуганного событиями 1905 года и еще не отдалающегося от чувства страха, которое нагнал на него революционный народ: «Не знаю, что происходит на его посту и какие бывают у Иваныча переживания в это время, но с поста он возвращается еще более мрачным: — таким мрачным, точно выпил вместо вина керосин. А жено, увидел его, рауется... как будто муж вернулся из трудного похода...»

Уже по этим штрихам видно, как в книге Зорьяна постепенно расширяется мир, который «ограничивался родным селом». Своя с собственником-хитрым дядей, столкновение отца с попрылком, а Сурена — с детьми подрачка, драка с сыном пристава, стихийная демонстрация деревенских женщин во главе с Варо-кирик — мужественной сельской труженицей, убийство железнодорожными рабочими жестокого и бесчеловечного начальника Карла Кардыча, тюрьма, в которую сажают Сурена, запоздненного в том, что он знает убийцу, связь с подпольщиками и участие в революционном кружке в Тифлисе, — вот так раскрываются постепенно круги от той точки, куда «жизнью-матерью» был брошен первый камень в маленький Сурена.

Озорной, немного легкомысленный, но честный и верный товарищ Самсон; веселый заволла Седрак — парень, с душой будущего революционера; благообразный и рассудительный, полный подлинного патриотизма, поэт-политический думая о своей родине, Апостол Караманди; интеллигентный, начитанный, увлекающийся, страстный поэт, будто пылающий революционным огнем Тигран, — с какой любовью и душевной теплотой рассказывает о каждом из них писатель! Собственно, их жизни и посвящена книга.

Но перед читателем проходят и многие другие образы, описанные, может быть,

ПИСАТЕЛЬ Василий Федоров, прозаик и поэт, печатается с 1944 года. За это время он выпустил ряд очерков, стихотворные сборники и повесть «Зреющие», в которой, однакоже, было еще много незрелого. В прошлом году в издательстве «Молодая гвардия» вышла новая книга В. Федорова — повесть «Добровольцы», с некоторыми сокращениями и под другим названием («Сельский инженер») опубликованная также в журнале «Октябрь» (1956 г., №№ 2 и 3).

Начало книги интересно и многообещающе. Автору удалось едва ли не на первых страницах четко обрисовать героя, молодого инженера Варыгина. Именно тогда, когда дела Григория на заводе идут как нельзя лучше, он подает заявление о переводе в МТС. Уже в этом поступке проявляется главная жизненная установка героя — не «обходиться» трудности, а сознательно идти им навстречу. И первые шаги Григория в МТС полностью подтверждают это впечатление. Назначенный на должность главного инженера, Варыгин сразу же сталкивается с многочисленными трудностями, но не растерялся, а смело вступил в борьбу. Так, выявив неудовлетворительную работу ремонтной мастерской МТС, он решительно высказался за ликвидацию бригадного метода ремонта тракторов и переход к узловому, но натолкнулся на сопротивление директора МТС Солодова — человека, думающего только о сегодняшнем дне и плузе всего опасасающегося нового. Между Григорием и Солодовым произошел крупный разговор, после которого жизнь главного инженера «...побежала в бешеной скачке от худшего к худшему».

Однако автор, правдиво изображая обстановку Григория с первых же дней трудности и правильно намечая конфликт между новатором и рутинером (далеко не новый в нашей литературе, но жизненный), а главное — достаточно значительный для того, чтобы организовать весь материал произведения), неожиданно сам рубит сук, на котором поначалу так уверенно расположился. Еще не добравшись до середины книги, читатель попадает на заседание бюро райкома и выслушивает речь Григория, убеждающего всех, в том числе и Солодова, в правоте молодого инженера. И с этого момента...

С этого момента повесть утрачивает свое значение серьезного разговора о серьезных вещах. Вернувшись в МТС и легко сработавшись с Солодовым, Григорий без особых усилий одерживает победу за победой. Таким образом, если в начале повести директор МТС воспринимался нами как принципиальный противник энергичного, не боящегося трудности главного инженера, то в дальнейшем он выступает как человек без лица, без определенно выраженной индивидуальности. Это приводит к тому, что мы перестаем видеть в споре между Варыгиным и Солодовым столкновение двух различных жизненных позиций, а видим лишь столкновение двух различных точек зрения по вопросу о методе ремонта тракторов. Лишив образ Солодова того принципиального стержня, на котором мог бы держаться сквозной конфликт повести, автор тем самым лишил свое произведение единую фокус, цельность и действенность: события, рассказанные во второй его половине, оказались не более чем серией мало связанных в сюжетном отношении эпизодов — как производственного, так и бытового характера. И так как все трудности, которые встречались на пути главного инженера, переключались за кулисы повести, то ее авантюра не случайно заняла (святому месту пусто не бывает) наряду с уже знакомыми читателю героями новые лица: добровольцы-целинники Рита и Саян, сельский изобретатель Егор Аксенович, «музыкальный мастер» Шпатов и другие.

Более скупо, но с не меньшей яркостью и четкостью, Зорьян создает целую галерею типов крестьян, рабочих, ремесленников, интеллигенции, мелкой буржуазии Армянской начала XX века. Зорьян умеет так и остро характерные зарисовки и типотетозий обобщения, почти символический портретный рисунок. Приведем лишь один пример. Старый пахоту Мадат-биза как бы олицетворяет собой армянского крестьянина-труженика. «Он говорит очень медленно, с расстановками и так сильно затягивается из чубука, что на слухах его образуются впадины. Сейчас, когда я пишу о нем, он мне кажется вылитым из бронзы монументом, которому нипочем и дождь, и ветер, и буря, и молния. Иногда же он представляется мне огромным черным грабом, который глубоко пустил свои корни в землю. Сотни деревьев с корнями вырывают буря, а он всецело стоит непоколебимо — этот Мадат-биза. Как будто он вышел из самой земли и сам часть этой природы и понимает язык всех существ». Это ли не обобщающий образ трудового народа?

Во второй части повести действие развивается в Тифлисе, крупнейшем центре революционного движения в Закавказье. Но широта охвата событий здесь иногда достигается в ущерб глубине их изображения. К лучшим страницам этой части следует отнести главы, посвященные дружбе и совместной жизни Сурена и Тиграна, история адвоката Вагратуна, прогрессивно мыслящего интеллигента, доведенного до самоубийства тяжелой, ватхалской атмосферой буржуазно-мещанской среды; а также описание мавзеев в Тифлисе — городе, который по праву гордится давними и славными революционными традициями.

Вот один из эпизодов мавзеев, описанный Стефаном Зорьяном: «На разных языках одну и ту же песню поют русские, грузины, армяне, и тонно разносятся — то сдержанно и тихо, то громко и бурно, как будто они поднимаются на вершину холма. Они поют дружно и гордо, и кажется, что вся огромная масса деревьев качается от их песни и точно невидимые армии прохлят по ущелью и по его краям...»

От кусочка сахара, съеденного тайком от скучного дяди, — до активного участия в грандиозной революционной манифестации, от личной потасовки с летым подрачка — до участия в неслетальной революционной борьбе. — таков путь Сурена, героя одной из лучших книг советской армянской художественной прозы.

Броме «Истории одной жизни», в сборнике избранных произведений Стефана Зорьяна вошли и другие его повести и рассказы, написанные как до революции, так и в самые последние годы. «Собственность портит человека до такой степени, что иногда побуждает его совершать преступления» — эти слова одного из героев «Истории одной жизни» — Микаэла можно было бы поставить эпиграфом к небольшой повести «Яблоновый сад», написанной в 1917 году. Одновременно и горьковским и чеховским веет со страниц этого произведения. Это внутреннее родство определяется в первую очередь изумительным сочетанием безграничной, непоколебимой веры в творческие силы человека, призванного своим трудом украшать землю, с беспощадной критикой всего того, что мешает человеку.

В центре повести — образ старого садовода дяди Мартина, человека, обладающего самым драгоценным даром — всепоглощающим духом творчества. Садоводство дяди Мартина — не промысел, не средство добытия денег, хотя у него нет отбоя от покупателей. Дядя Мартин — художник, для которого высшее вознаграждение — самый процесс труда, ставший творчеством. Полная противоположность ему — его старшая дочь, одержимая бесом собственности, вылившая в алчовном саду лишь свое будущее наследство. Жадность толкает ее на преступление: она жестоко избивает вторую жену своего отца Нунофара, опасаясь за судьбу «наследства». Хрупкая и нежная Нунофара, родив мертвого ребенка, тяжело заболевает и умирает. Кульминация повести — подлинно трагическая сцена, в которой Мартин пытается вырвать яблоновый сад — свою любовь, свое детство, лишь бы он не попал «вожжам да совок», не попал в руки собственников, способных лишь осквернить любую красоту на земле.

Судьба Мартина трагична. Он жертва, а не борец: его «обуят» — это жест отчаяния. Но рядом с мартынами жили в Армении и другие люди — сознательные борцы, революционеры. Мы помнили об этом в «Истории одной жизни». Им же посвящена повесть «Девушка из библиотеки». В этом произведении, написанном в 1925 году, как бы продолжена биография поколения, изображенного в «Истории одной жизни». Героиня повести показана как участница борьбы с царским самодержавием, потом как активный борец с царской агентурой международного империализма, а затем как строитель новой жизни в Советской Армении. Некоторая схематичность, чрезмерная блгоств пса-

Конфликт и герой

За исчезновением конфликта с неумолимой логикой последовало и исчезновение намеченного в начале повести характера героя. Оказавшись «вне удела», Григорий заметно мелчает и туснеет. Правда, лиричность своего героя возможности действовать и бороться на производственном поприще, автор предоставляет широкий простор для его личных чувств и переживаний. Мы знаем, что, работая на заводе, Григорий в полном соответствии со своим характером и производимой «теорией необходимости» (трудности и дурное нужно «не обходиться», а преодолевать и исправлять) отказался от любви хорошей и умной девушки только потому, что она была хорошей и умной, и полюбил Аду Милецкую, девушку «с недоразумением в голове».

Конечно, трудно поверить, что «теория» определила выбор Варыгина, но, во всяком случае, здесь поведение героя не расходится с логикой авторского замысла. Теперь же герой идет по линии наименьшего сопротивления, отказавшись от борьбы за «трудную» Аду и намереваясь соединить свою судьбу с Ольгой, которую не нужно ни «завоевывать», ни перевоспитывать.

Стремясь замаскировать капитализацию своего героя, автор пытается убедить нас в том, что Григорий разлюбил Аду и полюбил Ольгу. Но это ему решительно не удается. Трудно поверить в то «холодное презрение», которое якобы испытывает Григорий к Аде после встречи с нею в городе. Ведь для такого презрения нет решительно никаких оснований, хотя их немало для самой обыкновенной ревности, которая, кстати говоря, вполне объясняет нам тяжелое душевное состояние Варыгина.

Но особенно показательна с этой точки зрения встреча Григория и Ады в МТС, куда Ада приехала в составе артистов самодеятельной бригады. Хотя в это время Григорий уже считает себя чуть ли не женихом Ольги, сердце его сжимается при виде грустной и похудевшей Ады. А во время ее выступления, свидетельствующего о неужайном артистическом даровании, Григорий определенно чувствует, что к нему возвращается любовь. Перед отъездом Ада целует его, и впоследствии он думает о том, что в этом поцелуе было «что-то новое», «не похожее на их прежние отношения, в которых было больше любви, чем в ее стороны, чем настоящей любви». Он понимает, что Ада испытала какое-то тяжелое разочарование, побуждившее ее иначе относиться к нему, Григорию, и в его сердце вновь вспыхивает надежда. Постепенно он приходит к мысли, «...что между ними осталось что-то несоединенное, и если не договорятся — будет мучиться всю жизнь».

Следивший за маршрутом культбригады Григорий знал, что может найти Аду в колхозе «Заря», расположенном в сорока километрах от МТС. Естественно, что он направляется туда на своем стареньком

«Библиотека приключений» на азербайджанском языке

БАКУ. (Наш корр.) В ближайшее время начнется подписка на «Библиотеку приключений», выпускаемую республиканским издательством детской и юношеской литературы на азербайджанском языке. Первая книга этой серии —

«Коллике». По что же дальше? Что принес Григорию разговор с любимой поприще Ады? — А он не состоялся. В дороге Григорий, во-первых, заблудился, во-вторых, попал в дождь, в-третьих, уснул в машине. Все это заставило героя изменить направление своей поездки и возвратиться к Ольге. Правда, и с Ольгой не все хорошо: она влюбила, как Ада поцеловала Григория, и обиделась. Но можно ли сомневаться, что это недоразумение уладится за одну минуту?

Просто дину даешься, как автор не замечает объективного смысла рассказанных событий, как не видит, что Григорий, так легко отказавшись от борьбы за любимую девушку, — это уже совсем не тот Григорий, с которым он познакомил нас на первых страницах повести, как не чувствует, что вовсе не повесть Григория в «Заре», а именно его возвращение к Ольге следует назвать «трусливым бегством»! И так, реальный жизненный конфликт подменяется в повести серией мелких производственных столкновений. Целеустремленное движение превращается в утомительный бег на месте, герой не только туснеет и мелчает, но и утрачивает так отчетливо проявившийся в первой части повести болевой дух. Чем же все это объяснять? Очевидно, тем, что автор, получив быт и условия работы в МТС, вместе с тем не сумел разобраться в самой сущности происходящих там процессов, не увидел главного в борьбе героев, не показал тех глубинных психологических движений, которые оказывают на нее решающее влияние, а потому и не создал полноценной, обобщающей картины.

Часто и справедливо говоря о том, что писатель своими художественными произведениями должен вмешиваться в жизнь, активно воздействовать на нее, мы порой забываем об особой природе этого воздействия. Разумеется, писатель обязан хорошо знать то, о чем он пишет. И, если это МТС, то ему надо знать конкретные условия труда, он должен стремиться к тому, чтобы своим произведением бороться за победу нового, передового, за внедрение более совершенных методов работы. Но он не может ограничивать этим свою задачу. Нужно ли доказывать, что в каждом значительном художественном произведении обобщение всегда выходит за пределы избранной автором темы?

В. Федорову в известной мере удалось выкинуть в ряд вопросов, связанных со структурой МТС, обрисовать некоторые из тех трудностей, которые стоят перед ее руководством, но ему не хватило знания каких-то иных, более общих жизненных закономерностей, какой-то иной подготовки, не специальной, но технической, а приходящей вместе с жизненным опытом в результате внимательного и вдумчивого отношения к действительности и привычки глубоко анализировать происходящее в ней процессы. Изучая тот участок жизни, который привлек его внимание, писатель, к сожалению, не пошел от него к большим обобщениям. Именно поэтому он не сумел показать самое существенное в намеченном конфликте, а следовательно, и проследить наиболее естественное и вероятное его развитие (для которого отнюдь не характерно легкое и безболезненное решение в результате одного темпераментного выступления за бюро райкома).

Достоинства и недостатки повести В. Федорова показаны с точки зрения молодых писателей, разрабатывающих тему современной деревни.

Зрелое мастерство

Зимним вечером 1927 года писатель пристально вглядывался в окно, наблюдая за падением больших хлопьев снега. Писатель думал о вселенной, о вечности, о том, что снег будет падать и в топа, когда на свете забудут наше имя, изгладится даже память о нас». Но эти, казалось бы, печальные мысли не настроили писателя на грустный лад. Наоборот, больше всего в природе он любил этот снег, «обволакивающий землю чистотой и как бы обновляющий ее», а главное, он знает: холодная вечность придется отступить перед волшебной силой творчества, способной воскресить прошлое, сделав его достойным потомком, даровав бессмертие мысли, чувству, деянию человека.

Именно такую цель ставил перед собой Стефан Зорьян, приступая к работе над своей замечательной автобиографической повестью, известной читателям под скромным названием «История одной жизни». Нет, это история далеко не одной жизни, а судьба целого поколения армянской молодежи, которое через свое безрадостное детство и трудную, полную лишений юность, пронесло мечту о будущей обильной жизни и со школьной скамьи включилось в активную борьбу за торжество справедливости на земле.

Сам автор так определил цель своей книги и ее возможного, вадуманного им продолжения: «вернуться к судьбам моих товарищей и друзей, чтобы послаточные поколения увидели и оценили героический труд и душевную красоту моих современников». И вот, оглядываясь назад, Стефан Зорьян зорким и умным взглядом художника-гуманиста охватывает чередующиеся пестрые картины прошлого. «Словно караван тяжело нагруженных верблюдов, в час заката идущих в дальний путь, годы то свергают, то мигают, как костры, а порою вспыхивают и угасают... В веренище этих лет вновь появляются облики моих любимых товарищей. Годы разлучают нас; жизнь, как суровая мачеха, швыряет нас в разные места, то сближая, то опять разлучая...».

Вот перед глазами памяти проносятся дни, когда весь мир ограничивался одним селом. А мир этот был миром собственничества, в котором воцарился культ собственности, в котором каждый мог отравить ядом вражды, разлучить отца с сыном, брата с братом. Именно в этом мире впечатлительный ребенок — крестьянский мальчик Сурен — получил первый удар жизни-мачехи. Бусочек сахара, тайком спрятанный ребенком, послужил причиной семейного раздора, который привел к полному разрыву и, наконец, разделу между делом и дядей, с одной стороны, и отцом Сурена — с другой. Спор из-за имущества между братьями является как бы фоном и без того нерадостного детства Сурена. Описывая, как вохлило слово «раздел» в сознание ребенка, автор прибегает к своеобразному приему: события передаются через восприятие мальчика. Не понимая их сути, он скользя по поверхности, замечает лишь внешние признаки явлений. Поэтому цепь событий, связанных между собой не их полными значениями, а деталями, доступными детскому глазу, окрашивается в мягкие юмористические тона, что лишь подчеркивает всю горькую и до крайности унизительную цепь этих событий.

Когда мы говорим о безотрадном детстве Сурена, это вовсе не означает, что он не оставался быть ребенком со всеми свойствами детскому возрасту: шалостями и радостями. Впечатление безотрадности создается у читателя, который слезит за жизнью семьи Сурена, но для самого мальчика, у которого и представления не было об иной, лучшей жизни, существовали игры, улыбка, смех. И Стефан Зорьян, художник, склонный по природе своего таланта в светлым тонам, с теплым, ясным краскам, старается не упустить возможные радости детства, в каких-то деталях, в каких-то «железных условиях оно ни протекало. Сколько юмора — то печального, то светлого! — в этой захватывающей повести! Вот мальчик в церкви поражает горящие люстры и батюшка: «в особенности этой батюшка, так как не знаю, бабушка или это, или дедушка... наверное, напополам дедушка, напополам бабушка...». А вот Сурен сдает вступительные экзамены в русскую школу и на вопрос ректора: «...знаешь ли ты, что такое закон божий?» — без заминок отвечает: «Этот закон», а на вопрос: «Кто такой Иисус?» — с уверенностью: «Этот икона».

Стефан Зорьян. «Избранные произведения». М. Гослитиздат, 1956.

ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ

По мере того, как летоступает в свои права, все большая нервность овладевает американскими самозванцами олеунами Южного Вьетнама. Уже не за горами июль, когда по решению Женевских совещаний должны быть проведены всеобщие, свободные и демократические выборы во Вьетнаме, которые призваны положить конец противостоятельному расколу страны.

Но США хотят во что бы то ни стало остаться в Южном Вьетнаме, превратив его в один из своих стратегических форпостов в Азии. Они боятся и не хотят всеобщих выборов и делают все, что в их силах, дабы сорвать осуществление Женевских соглашений. В Южный Вьетнам доставляются все новые и новые партии американского вооружения. Сотни американских офицеров готовят гонимым демократическую армию к походу на Север.

Активность аргументов единства Вьетнама особенно усилилась после того, как в результате недавних переговоров в Лондоне были приняты согласованные решения и рекомендации с целью предотвращения возможного срыва Женевских соглашений.

Американские пропагандисты с особым пылом расписывают в эти дни мнимую «коммунистическую угрозу» Южному Вьетнаму и недопустимость всеобщих выборов. Для них пропаганда мобилизована все средства. На днях в Вашингтоне состоялась конференция общества «Американские друзья Вьетнама». Характер этого «действия» будет ясен из одного перечня действующих лиц: помощник государственного секретаря США по делам Дальнего Востока — Уолтер Робертсон; генерал в отставке — Джон О'Даннелл; бывший американский посол в Таиланде — генерал Уильям Донован; сенатор-демократ — Джон Кеннеди и другие.

В роли главного «друга Вьетнама» выступил государственный секретарь США Даллес, хотя и не присутствовавший на конференции, но приславший ей вдохновляющую телеграмму.

К этому списку следовало бы добавить «Дух холодной войны», не сходящий со сцены на протяжении всего представления.

Иногда описывать цвет волос и глаз действующих лиц. Читатель получит о наших героях более ясное представление, если мы скажем, что нынешний «друг Вьетнама» отставной генерал Джон О'Даннелл в недавнем прошлом возглавлял миссию американских военных советников в этой стране, генерал Уильям Донован за свою бурную жизнь разведчика и шпиона успел осчастливить своей «дружкой» не одно азиатское государство, а сенатор Джон Кеннеди еще в 1954 году ратовал за интервенцию США в Индо-Китае.

Что касается Уолтера Робертсона, то этот типичный образ американского «друга азиатских народов» хорошо раскрывается в типичных обстоятельствах на заседании одной из комиссий американского конгресса 26 января 1954 года. На этом заседании, согласно стенографическому отчету, профессор Фредерик Кудерт задавал Робертсону вопросы относительно американской политики в Азии. Подытоживая ответы Робертсона, Кудерт спросил: «В сущности, не означает ли это, что Соединенные Штаты намерены сохранять в течение длительного периода американское господство на Дальнем Востоке?»

Робертсон: Да. Именно так. О чем же толковали «друзья Вьетнама» на своей ватинской конференции? Об общем направлении этой «дружбы» беседы можно судить уже по тому, что, согласно официальным сообщениям, темой конференции была «интервенционность Америки во Вьетнаме». Выступление Робертсона состояло из двух частей: в одной из них он клеветал на Демократическое правительство Вьетнама, приписывая ей все те грехи, в которых повинно правительство Южного Вьетнама, поддерживаемое Вашингтоном. Во второй части он обещал политику США в Индо-Китае.

Но если дипломат Робертсон считал необходимым выразить надежду на скорый конец разделу Вьетнама, навязанному вьетнамскому народу против его воли («Мы молимся об этом», — уверял он), то другие «друзья Вьетнама» были более откровенны. Так, сенатор Кеннеди недвусмысленно заявил, что США «не должны допускать никаких дипломатических действий, которые могли бы оказаться вредными для одного из самых молодых членов семьи наций», разъяснив, что под этим имеется в виду, «чтобы Соединенные Штаты никогда не давали своего согласия на прекращение (1) общенациональные выборы, предусматриваемые Женевскими соглашениями».

У вьетнамского народа немало бескорыстных, искренних друзей, в том числе и среди американцев. Но о членах общества «Американские друзья Вьетнама» вьетнамцы имеют все основания сказать: «Боже, избавь нас от друзей», — от врагов мы сами избавимся!.

М. М.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В БОННЕ?

Д. МЕЛЬНИКОВ

«Кризис Федерального кабинета», «Драматический кризис в Бонне», «Несмотря на пятчасовое секретное заседание, боннский кризис продолжается», «Самый серьезный кризис в Бонне с 1949 г.» — вот лишь некоторые заголовки, которые в последние дни появляются на первых страницах таких крупных западногерманских газет, как «Ди Вельт», «Телеграф», «Тагесшпигель» и других. Уже почти две недели тема «кризиса в Бонне» привлекает внимание не только всей немецкой печати, но и многих английских, американских и французских газет.

Скандалное происшествие в Кельне

Как предостерегает, так и непосредственный повод к новому взрыву противоречий в боннских правящих кругах чрезвычайный, разрывавшийся между различными монополистическими группами в ФРГ в связи с большими экономическими и политическими затруднениями, перед которыми оказалась Западная Германия.

Непосредственным толчком к «кризису в Бонне» явилось решение Центрального правления Банка немецких земель от 18 мая. Банк повысил дисконтные ставки, доведя их до 5,5%. Это означало, что при учете векселей банк будет взимать в свою пользу пять с половиной процентов всех учитываемых сумм. Учет векселей в Банке немецких земель до истечения срока их уплаты является важнейшей формой получения различными монополиями банковского кредита. Таким образом, повышение дисконтных ставок равнозначило резкому удорожанию кредита. Такая мера была вызвана огромным ростом общей суммы кредитов, выданных банками западногерманским монополиям. Достаточно сказать, что в 1955 году сумма кредитов превысила на 21 млрд. марок сумму всех вложений в банк. Это создает как выражаются западногерманские газеты, «кризис кредита», «лихорадку конъюнктуры», приводит к усилению «инфляционных тенденций».

Решение Банка немецких земель было принято по рекомендации и в присутствии двух министров правительства ФРГ — министра хозяйства Эрхарда и министра финансов Шеффера. Эти министры, которые считаются наиболее влиятельными членами кабинета Аденауэра, заявили, что только такими мерами можно предотвратить угрозу небывалого в истории Германии спада конъюнктуры и угрозу инфляции. Разумеется, оба министра не скрывали из уверенности, что предложенные ими меры наводятся в полном соответствии с интересами промышленников.

Однако наиболее влиятельные объединения промышленников придерживаются иной точки зрения: они считают, что всегда смогут найти выход из положения за счет повышения цен, снижения заработной платы, усиления эксплуатации трудящихся. Наиболее крупное из таких объединений — Федеральное союзе промышленников во главе с его председателем Фрицем Бергом с небывалой ожесточенностью выступил против решения Банка немецких земель. На министров посыпались ругательства со стороны западногерманской промышленности и таких «солидных», «респектабельных», «благородных» газет, как «Индустрикурьер», «Дейче цейтунг» и др.

Но главный контрудар по «отступникам» из правительственного лагеря был нанесен на годичном собрании Федерального союза промышленников в Кельне в конце мая. Президент союза Берг сказал, что Банк немецких земель не более не менее как «рубит сук, на котором мы все сидим». Сенсационным было выступление на этом собрании канцлера Аденауэра, который специально прибыл, чтобы перед лицом восьмисот крупнейших промышленников, собравшихся на совещание, в самых резких и, как указывает боннская печать, даже «обидных» выражениях отмежеваться от своих министров — министра хозяйства и министра финансов, которые, кстати говоря, считаются личными друзьями канцлера. Аденауэр заявил, что по вопросу о повышении дисконтных ставок он созвал специальное заседание

кабинета (это заседание закончилось лишь поздней ночью), на котором потребовал отчета о поведении Эрхарда и Шеффера. Аденауэр заявил, что он «абсолютно непричастен» к решению Банка немецких земель и считает, что оно «наносит тяжелый удар по конъюнктуре».

Как раз после этого собрания и выступления Аденауэра и началась невообразимая свистопляска в западногерманской печати: одни органы печати стали на сторону Федерального союза немецкой промышленности, другие (а их значительно большинство) поддерживают мероприятия Банка немецких земель. Однако все западногерманские газеты единодушны в одном: последние события в Бонне знаменуют новый тяжелый кризис в боннских правящих кругах и в огромной степени подрывают престиж правительства в широких массах.

Противоречия обостряются

Как бы ни старались официальные боннские круги замкнуть «скандал в Кельне» и умалить значение происшедших в Бонне событий, не проходит буквально дня, который не принес бы новые свидетельства обострения противоречий в правящих сферах ФРГ. Сошлемся хотя бы на высказывания ряда западногерманских газет.

Западногерманская газета «Дер тат» пишет: «Противоречия по вопросам экономической политики в Федеральном правительстве никогда еще не были столь острыми на всем протяжении существования Федеративной республики». Рейнская газета «Нейе Рейншпигель» указывает: «То, что сейчас происходит в Бонне, по своему значению и ожесточенности превосходит все, что имело место за многие годы». Экономическая политика привела на край пропасти. Если мы хотим в минимальной степени разобраться в обстановке, то компромисс может быть найден лишь достигнут». Резко критикует позицию канцлера газета «Бадше альемейне цейтунг». Она заявляет, что управление промышленников и тех, кто их поддерживает, объясняется стремлением к новым прибылям.

Несомненный интерес представляет официальное заявление социал-демократической фракции бундестага, в котором указывается, что выступления в защиту точки зрения Федерального союза промышленников диктуются целиком и полностью интересами крупных монополистов. Они свидетельствуют о том, что для этих людей важнее разбухать бумажники промышленников, чем тощие кошельки домашних хозяйств. От всей этой неразберихи, подчеркивает фракция СДПГ, «пострадают прежде всего простые граждане Федеративной республики, ибо им придется каждодневно сталкиваться с последствиями повышения цен», которое неизбежно повлечет за собой экономическая политика правительства.

Политический скандал в Бонне не только выявил противоречия в правящих кругах, но пролил свет на все экономическое положение Федеративной Республики Германии. До сих пор большинство западногерманских газет продолжало повторять сказки об экономическом «чуде». Министры и промышленники соревновались друг

с другом в оптимистических оценках хозяйственной конъюнктуры в Западной Германии. Беспочвенно прорывалось наружу лишь на закрытых заседаниях «Советов ботов» (как называют немцы правления нескольких крупнейших промышленных монополий Германии. — Д. М.), в докладах руководителей Центрального бюро статистики, а также на страницах специальных экономических изданий, предназначенных для узкого круга лиц. И вдруг перед лицом всей общественности обнаружилось, что западногерманская экономика жидется на шаткой основе, что кризисные явления приняли настолько острый характер, что служат предметом серьезных расхождений в правящих кругах.

О чем говорят последние события?

Какова же подоплека скандала, разразившегося в Бонне? О чем так яростно спорят министры? Почему они не останавливаются даже перед тем, чтобы «вынести сор из избы»?

Дело в том, что в Западной Германии скандальное сейчас событие последствия экономического «бума» последних нескольких лет, который привел к большому росту производства и скопению значительного количества товаров. Все более ясно обнаруживается, что между этим ростом производства и покупательной способностью населения существует большой разрыв. Угрожающе растут покупки населением товаров в кредит. Уже теперь продажа в кредит составляет пятнадцать процентов всего розничного товарооборота. Таким образом, явственно видны признаки кризиса перепроизводства, которые ныне лишают сна многих экономических экспертов и, как уверяют, даже самого министра хозяйства.

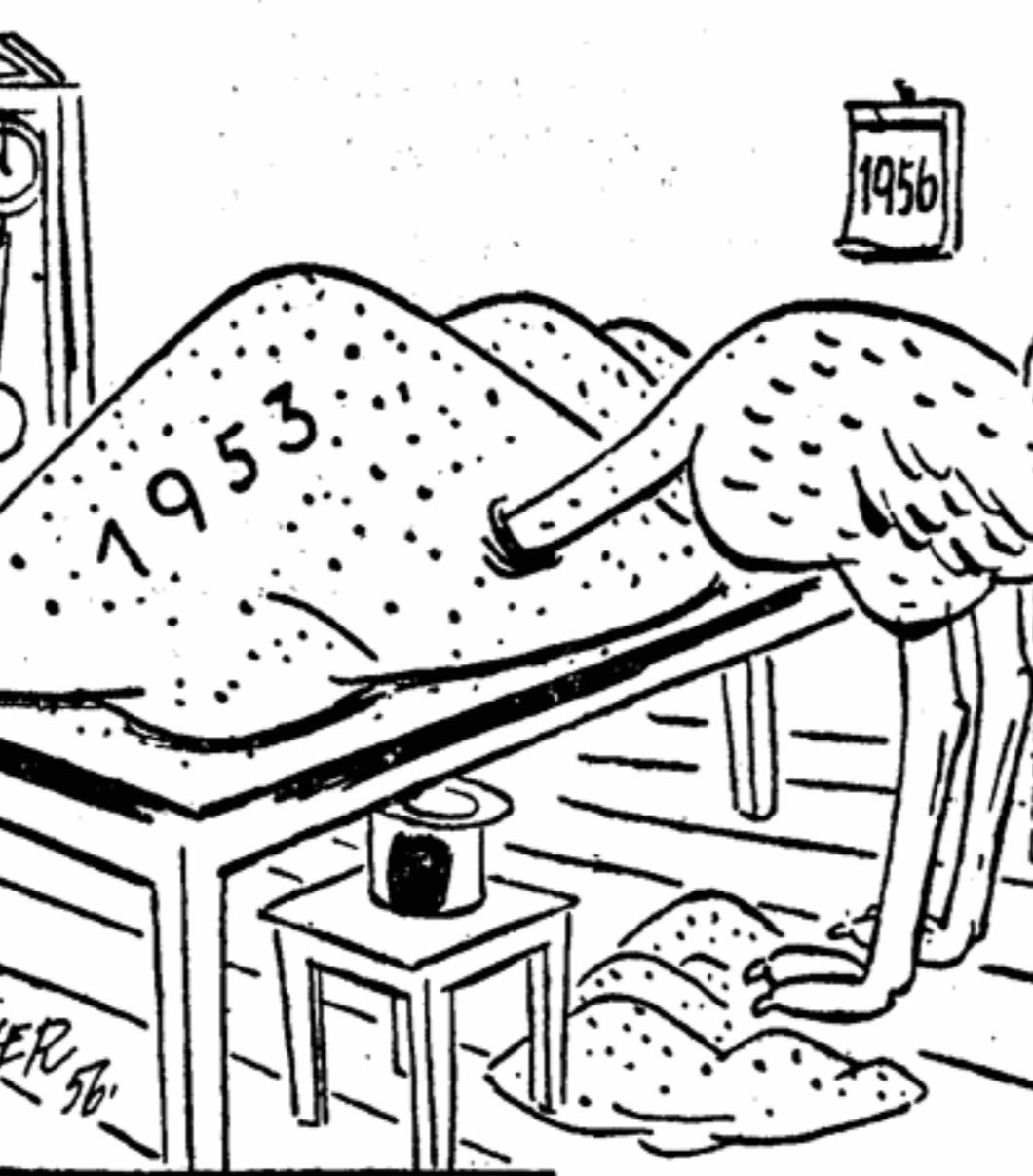
В этой обстановке некоторые руководители экономики Федеративной республики выдвинули требование: во что бы то ни стало сократить инвестиции в промышленность, прекратить строительство новых заводов и фабрик и расширение старых, предотвратить дальнейшее накопление товарных запасов. Эти руководители говорят об «инвестиционной лихорадке» и «нездоровом стремлении получить больше прибыли, чем возможно», охвативших широкие промышленные круги.

Принятые меры в том, чтобы сократить кредиты промышленникам, упомянутые руководители рассматривают тем самым приостановить рост инвестиций и помешать дальнейшему увеличению производства. При этом западногерманские промышленники звали отнюдь не смущает то обстоятельство, что предложенная ими мера в свою очередь неблагоприятно скажется на материальном положении трудящихся, поскольку она связана с увольнением рабочих, особенно в строительной промышленности, с понижением заработной платы и т. д.

Газета «Эндейче цейтунг» 26 мая писала, что любому непредвзятому наблюдателю уже издавна виден «огонь, охвативший крышу» западногерманской экономики. Министры Эрхард и Шеффер, движимые на ликвидацию этого пожара, очень напоминают людей, которые пытаются бороться с бующим пламенем, поливая огонь водой из ирригационных леек.

Усиление противоречий по экономическим вопросам разгорается на фоне резкого обострения политического положения в ФРГ. Политика ремигрантизации Западной Германии встречает растущее противодействие в самых широких кругах западногерманского населения. Широкая общественность недовольна тем, что влиятельные круги в ФРГ по-прежнему продолжают цепляться за старый курс на раздувание «холодной войны» и гонки вооружения.

Совершенно очевидно, что ликвидировать затруднения в Федеративной Республике Германии можно, лишь оздоровив ее хозяйство, наладив широкий обмен товарами с другими странами, в том числе со странами социалистического лагеря, нормализовав внутригерманскую торговлю, отказавшись от пагубного для страны курса на милитаризацию всей экономики. Таковы требования самых широких масс западногерманских трудящихся.

Боннская политика «холодной войны» осталась без изменений... Рисунок художника Эссера из немецкой газеты «Нюрнбергер нахрихтен»

Люди, искренне убежденные не только в желательности, но и в возможности мирного существования государств с различными политическими, экономическими и социальными системами, будут очень откровенно читать описание норвежско-советских отношений именно в изложении Лив Бальстада, которая могла их наблюдать в тяжелых и нередко сопряженных с опасностями условиях Арктики. Оно должно быть интересным и тем, кто не разделяет этих убеждений.

Прошло порядочно времени после прибытия автора книги «К северу от морской пустыни» в Лонгйр — норвежский «город» на Шпицбергене, или Свальбарде — так называют норвежцы эту местность, — прежде чем она впервые установила связь с советскими соседями. Один затерявшийся норвежский ловец послал сигнал о помощи. Норвежцам было трудно ее ему оказать. Это могла сделать только русские, располагавшие ледоколами. Последствием за этим событием, пишет госпожа Бальстад, оставила нас вступить в более близкий контакт с русскими, «которые одни проявили волю к сотрудничеству и готовности оказать помощь».

Лив Бальстад с нескрываемым изумлением и чувством искренней дружбы по отношению к русским описывает безграничное гостеприимство советских соседей на Шпицбергене, испытанное четой Бальстад, как высшими представителями норвежской власти в ледяной пустыне. Возникшие иногда из-за незнания языка недоразумения всегда кончались смехом, замечает она.

Перед женой норвежского губернатора на Шпицбергене открылись широкие возможности для сравнения условий жизни двух национальных колоний. Не всегда, однако, но, во всяком случае, очень часто это сравнение было в пользу русских. Особенно

часто доброжелательную зависть пробуждали в ней созданные советским государством условия для занятий спортом и содержательной культурной жизни.

Когда супруги Бальстад в первый раз после отъезда из Шпицбергена приехали в Осло и создали там пресс-конференцию, один из журналистов спросил их, пришлось ли им на Шпицбергене испытать на себе влияние так называемой «атаки советского обаяния». На этот вопрос господин Бальстад ответил коротко и сухо: «В этом, во всяком случае, не было никакой необходимости, потому что отношения между нами и нашими советскими соседями были всегда очень дружескими».

В своей книге его жена заранее отделила на разорение в этом вопросе, написав: «Во время как так называемая холодная война все более обострялась во внешнем мире, дружба между норвежцами и русскими на Шпицбергене становилась все более теплой».

Конечно, жаль, что некоторые норвежские газеты, поместившие столько многословных и обстоятельных рецензий на книгу Лив Бальстад, умолчали как раз о том, что она написала о дружественных норвежско-советских отношениях, отношениях, которые оказались особенно полезными в мрачной и бурной Арктике.

Но ее книга нашла путь к тысячам читателей, она выпускается дополнительными тиражами, и, таким образом, от народа не удается так легко скрыть, что имеется еще одно новое и прежде всего вполне убедительное свидетельство того, что Норвегия имеет в лице Советского Союза необычайно хорошего соседа, свидетелем, подтвердившемся авторитетно совсем недавно, после успешной поездки в Москву премьер-министра Норвегии Эйнара Герхардсена.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЮГОСЛАВИИ

КНИЖИ ДИСКУССИИ

СПЕКТАКЛИ ВЫСТАВКИ

«ВОДА, ОТЗОВИСЬ»

Сараевским издательством «Народна проста» выпущен в свет роман Драгослава Грбича «Вода, отзовись». Книга посвящена событиям наших дней, она рассказывает о строительстве гидроэлектростанции на одной из рек Югославии. Критика отмечает, что автору удалось воссоздать напряженную атмосферу строительства, показать, как меняется сознание людей, появившихся в большой коллектив строителей. Писатель шел от жизни, его роман носит документальный характер. На стройке собрались разные люди — и честные труженики, и любители легкой наживы, рассчитывающие здесь разбогатеть, и выходящие из деревни со всем грузом их пережитков и предрассудков. Раскрывая сложность их взаимоотношений, Драгослав Грбич рисует картину борьбы этих людей с силами природы, за успешное завершение строительства.

Югославский критик Предраг Палавостра, в общем положительную оценивая книгу «Вода, отзовись», пишет в статье «Современный роман о ее героях: «Этот наш современник, от них пахнет потом, а в субботу вечером — дешевым одеколоном; они пьют вино, копают землю и таскают мешки с цементом. Это большие незаметные люди, герои нашего времени».

ПАМЯТИ ИВАНА ЦАНКАРА

Общественность Югославии отмечает 80-летие со дня рождения крупного писателя, основателя славянофильской литературы, поэта и драматурга Ивана Цанкара. Газета «Ворба» опубликовала большую статью видного югославского критика Бориса Зихера «Иван Цанкар и наше время», в которой автор рассказывает о значении творчества Ивана Цанкара для развития югославской литературы. Зихер анализирует процесс становления мировоззрения словенского писателя, говорит о его близости к народу, о том, что привело Ивана Цанкара к идеям социализма. Критик называет произведения Цанкара и критик его глубоком понимании писателем общественных задач литературы.

В заключение Б. Зихер пишет о словенском писателе: «Цанкар нашел путь к словенским трудящимся и вообще к трудящимся всех тех стран, в которых народ... осознал, что он является главным двигателем в борьбе за освобождение от какого бы то ни было духовного или физического порабощения».

«ВЕЧЕРА ДИСКУССИИ»

Популярность среди жителей Загреба приобрели «Вечера дискуссии», на которых видные югославские писатели выступают с ответами на вопросы собравшихся. На этих беседах, называемых обычно «литературными пятницами», побывали многие известные авторы, среди них — Марин Франчинович, Станислав Шимич, Векослав Калеб и другие. Вопросы читателей касаются самых различных сторон литературной жизни как в Югославии, так и за рубежом. Вот некоторые из них: «Что вы думаете о новейшей американской и английской литературе?», «Каков ваш взгляд на развитие современной поэзии?», «Когда и как вы пишете?», «Что вы думаете о современном романе?».

Встречи литераторов с широким читательским активом будят глубокий интерес населения к вопросам литературы. Читатели выразили желание встретиться с такими авторами, как Иво Андрич, Мирослав Крлежа, Мирко Божиц, Добриня Чосич, Марко Ристич.

Инициатива жителей Загреба поддержана в ряде других городов. Собрания читателей созываются в Сплите, в Риеке организуются «литературные понедельники».

«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА СЦЕНЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В ЗАГРЕБЕ

Последней премьерой Хорватского национального театра в Загребе явилась постановка оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», прошедшая с большим успехом. Роль Онегина исполнил Мильво Бацанович, Ленского — Нони Жуец. Постановка — режиссера Нандо Рое.

Хорватская газета «Весињак» напоминает в связи с премьерой, что впервые «Евгений Онегин» П. И. Чайковского был поставлен в Загребе в 1897 году, в опере выступали виднейшие югославские певцы. Газета публикует также высказывания режиссера Нандо Рое об опере.

«КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ О ФОЛЬКЛОРЕ...»

Под такой рубрикой напечатала газета «Книжные новости» ряд высказываний писателя, композитора, художника о народном творчестве.

Писатель Родолюп Чолаков призывает уделять больше внимания творчеству народа. Он высказывается против вульгаризации фольклора и предпочитает вместе с тем о излишнего увлечения им. Родолюп Чолаков считает необходимым повышать культуру народного танца, совершенствовать мастерство известных ансамблей народных песен и танца. Писатель Добриня Чосич говорит в своем выступлении об умении увидеть то, что мешает развитию народного творчества. Фольклор надо изучать, это особенно важно для писателя, ведь народное творчество «никогда механически не отрицали и не отбрасывали» — одна культура, но одно искусство.

О музыкальном творчестве народа поделился своими мыслями на страницах «Книжные новости» композитор Стеван Христин. Он говорит, что существует мнение, будто бы фольклор — искусство прошлого, сторонники этой теории стремятся дискредитировать народное творчество тем, что обращаются только к самым примитивным его формам. Стеван Христин напоми-

нает, что многие выдающиеся произведения оперной классики, среди них «Борис Годунов», «Хованщина», «Князь Игорь», «Кармен» и «Проданная невеста», тесно связаны с фольклорными традициями. Югославский композитор высказывает свое отрицательное отношение к джазовой обработке народных мелодий, распространяющейся в последнее время.

«Все, что я делаю, вдохновляется народным творчеством и опирается на него», — пишет художник Мило Милутинович, который считает, что фольклор должен играть решающую роль в изобразительном искусстве.

Двухнедельник «Книжные новости» опубликовал также высказывания многих других писателей и деятелей искусства. На страницах этого издания дискуссия проводится несколько своеобразно. Редакция печатает сразу серию материалов по затронутому вопросу и тем самым считает обсужденной той или иной проблемы исчерпанной. Читатель может проследить за той точкой зрения, которая кажется ему наиболее аргументированной.

АНТОЛОГИЯ СОВЕТСКОЙ ПРОЗЫ

Загребским издательством «Культура» выпущена антология советской прозы. В нее включены произведения советских писателей, написанные в период 1917—1934 гг. В сборнике представлены произведения Вс. Иванова, М. Слонимского, К. Федина, Ф. Гладкова, Ю. Олеши, И. Ильфа и Е. Петрова, Л. Леонова, Л. Сейфуллиной и других писателей. Составитель Александр Флакер включил также в книгу отрывки из критических статей советских литераторов. Сборнику предпослано предисловие, написанное составителем: «Русский писатель и революция».

В связи с выходом антологии журнал «Книжные новости» публикует статью, в которой автор останавливается на творчестве ряда писателей, представленных в сборнике.

НОМЕР ЖУРНАЛА «САВРЕМЕНИК»

В последнем, майском номере белградского журнала «Савременик», который редактирует известные югославские литераторы Велбор Глигорич и Душан Костич, печатается ряд новых произведений югославских авторов. Среди них — два стихотворения Антуана Шюляна, рассказы В. Чолановича и Ж. Лазича. Известный литературовед Зоран Гаврилович публикует главу из своей книги «Критика и критики» — о литераторе прошлого столетия Любомире Неличе. В журнале помещена также статья о творчестве Т. Драйзера. Под рубрикой «Даты» «Савременик» печатает материалы о творчестве выдающегося югославского драматурга прошлого Ивана Стрине Поповича.

В разделе «Книжное обозрение» опубликован ряд рецензий на новые книги и среди них — статья Милована Погоновича, подробно анализирующая содержание пьесы Л. Леонова «Золотая карета».

ВЫСТАВКА КИТАЙСКОГО ИСКУССТВА

Большим успехом у жителей Белграда пользовалась выставка китайского прикладного искусства, состоявшаяся в югославской столице. За сравнительно небольшой срок ее посетило свыше сорока трех тысяч человек.

На выставке были широко представлены изделия из бамбука, текстиля, словенской керамики. Подолгу любовались посетители выставкой изделиями китайских умельцев, их тонкой, филигранной работой. Ее экспонаты дали возможность югославам поближе познакомиться с сокровищницей древнего искусства Китая.

Газета «Ворба», рассказывая о большой популярности выставки среди белградцев, подчеркивает, что она «отлично выполняла свое назначение» и внесла последний вклад в дело укрепления дружественных отношений между двумя странами.

КНИЖИ ВЕЛЬКО ПЕТРОВИЧА

Одно из старейших югославских издательств — «Матича српска» — выпускает 8-томное собрание сочинений современного югославского писателя Велько Петровича. Уже вышла в свет четвертая — три сборника рассказов, написанных писателем в разное время, и том литературно-критических и публицистических статей. К изданию готовятся остальные тома — сборник рассказов, стихи, статьи о литературе и искусстве. На снимке: обложка четвертого тома собрания сочинений Велько Петровича.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Фестиваль поэзии организуется загребским издательством «Алиос». На фестивале приглашены тридцать югославских и десять зарубежных поэтов.

В связи с основанием музея выдающегося югославского поэта Владимира Назора газета «Ворба» печатает статью под заголовком «Сохраним память великого поэта», в которой рассказывает о годах жизни Назора, проведенных им среди югославских партизан.

Международная выставка гравюры открылась в Люблине. На ней представлено более двухсот пятидесяти произведений художников 17 стран.

На русском языке исполнит партию Бориса Годунова в опере Мусоргского, поставленной Белградской оперой, Дюк Дин Лондон, американский певец, гастролирующий в Югославии.

Четвертый конгресс Союза художников Югославии состоялся в Сараеве. На нем были прочитаны доклады об основных проблемах югославского изобразительного искусства.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, И. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ, Н. ШАМОТА (зам. главного редактора).

К северу от морской пустыни...

Альф БИМ, норвежский журналист

Книга, написанная женой Хокана Бальстада, бывшего с 1945 года до осени 1955 года норвежским губернатором на Шпицбергене, где как норвежцы, так и русские ведут значительные угольные разработки, стала сразу же после ее появления, в октябре прошлого года, настоящим бестселлером («бестселлером») и вызвала во всей норвежской печати обстоятельные и хвалебные отклики.

И для этого имелись все основания!

Однако большинство газет, к сожалению, словно сговорившись, умолчали о том, как автор описывает норвежско-советские отношения в стране, расположенной «К северу от морской пустыни» — так назвала Лив Бальстад свою увлекательную книгу.

Хокон Бальстад был назначен первым норвежским губернатором на Шпицбергене сразу же после окончания войны. Его невеста Лив Гульвэг последовала за ним в 1946 году и стала его женой лишь спустя несколько месяцев, когда маленькая, забытая богом и затерявшаяся в Арктике колония получила, наконец, священника. Супруги покинули Шпицберген только осенью 1955 года, когда Бальстад

вернулся на родину, получив новый пост в южной Норвегии. Книга Лив Бальстад наша такой теплый отклик в норвежском народе потому, что это отчет отмычивой, обладающей живым пером, умной и одаренной юмором рассказчицы. «К северу от морской пустыни» не грешит слащавостью. Многие из того, о чем не пошел бы откровениями рассказывать еще не вышедший в свет отчет чиновника, неоднократно натакаивавшийся на бюрократическую медлительность, близорукость и мелочность, со свойственной ей непосредственностью предала гласности его откровенная жена. Все, что она рассказывает о деятельности «Отуре Ношке Слпстбергс Комапани», в шахтах которой в послевоенное время произошло слишком много несчастных случаев, выходит за рамки просто занимательного чтения. А она пишет только о том, что ей достоверно известно. Она ведь, между прочим, была в течение довольно длительного периода личной (неоплачиваемой, но незаменимой) секретаршей губернатора.

Большую документальную ценность придает книге также и проникнутое откровенностью описание суровых условий жизни и высоких душевных качеств горняков (главным образом бедных крестьян и рыбаков, проводящих один или несколько сезонов на Шпицбергене, чтобы немного поправить свои часто плачевные материальные дела) и арктических охотников и ловцов.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — СССР — Б 8-59-17, информация — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммулятор — К 5-00-00. «Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу. Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30